

• БЫТЬ •
ГУВЕРНАНТКОЙ
•

Как
воспитать
принцессу

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу

«Алгоритм»

2017

УДК 37.01
ББК 74.90

Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу / «Алгоритм»,
2017 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906979-17-9

Быть принцессой – нелегкий труд, вырастить принцессу – практически подвиг. Авторы этой книги – гувернантки августейших семей. Они посвятили свою жизнь тому, чтобы научить маленьких наследниц трона хорошим манерам. Для того чтобы добиться восхитительного изящества в каждом движении, обучить нескольким языкам и развить такие необходимые королевским особам качества, как благородство, великодушие и решительность, требовалось поистине королевское терпение гувернанток. О том, как протекала их жизнь за стенами королевских покоев, как день за днем подрастали под их бдительным присмотром юные принцессы, вы узнаете из этой книги.

УДК 37.01

ББК 74.90

ISBN 978-5-906979-17-9

, 2017

© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Из записок Николая I	9
Из духовного завещания Николая I	11
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»[1]	12
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»	15
Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет	20
Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»	21
Окулова Анна Алексеевна	48
Часть II	53
Из воспоминаний Анны Тютчевой[45]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Первушина

Быть гувернанткой. Как воспитать принцессу

© Авт. – сост. Е. Первушина, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Быть принцессой – это работа, чем-то похожая на работу актрисы или манекенщицы. Нужно уметь носить очень красивые и дорогие, и одновременно очень неудобные платья, в которых нельзя бегать, прыгать и играть в свое удовольствие. Нужно быть очень элегантной и грациозной и все время улыбаться. Нужно всем говорить любезности и никому не верить.

Нужно выйти замуж за малознамого человека, уехать с ним в чужую страну и молиться о том, что твои родители не ошиблись с выбором, что твой муж не окажется садистом или извращенцем и, наконец, что ты быстро родишь нужное количество детей нужного пола. Нужно помогать мужу в его государственных трудах, при этом ни в коем случае не показывая, что ты влияешь на политику, иначе тебя возненавидят. Нужно знать, кого можно и нужно вовремя осадить, а с кем ссориться ни в коем случае нельзя. Нужно защищать интересы своей родины, но так, чтобы этого никто не понял, иначе тебя назовут предательницей на твоей новой родине. И наконец, нужно не забывать о своих интересах, потому что больше о них не позаботится никто.

На эту работу не нанимают. Принцессы не подписывают контракта, и никто не обещает им вознаграждения. Они просто рождаются вместе со своими обязанностями, и не в их власти отказаться.

И наконец, если сапожники учатся у сапожников, доктора – у докторов, ученые – у ученых, то принцесс учат простыне смертные: бонны, гувернантки, педагоги. Как правило, у них есть свое представление о том, как должна вести себя настоящая принцесса, чего ждут от нее ее родители и страна, и их мало волнует, чего хочет сама их воспитанница. Они приходят во дворец, преследуя свои цели, желая влияния, славы или денег, и желания их маленькой ученицы волнуют их не больше, чем резчика волнуют желания дерева.

Но все же, если у гувернантки доброе сердце и открытая душа, она может подружиться со своей воспитанницей. Иногда эта дружба может продолжаться всю жизнь, и старая гувернантка будет нянчить детей своей бывшей ученицы. Но бывает и по-другому. Времена меняются, меняются интересы и цели, старые, казалось бы, нерушимые дружбы разрываются, и остается только вспоминать прошлое и писать мемуары.

Но, по правде говоря, гувернантки редко писали мемуары. Может, потому, что во всякой семье неизбежно есть свои маленькие некрасивые тайны, о которых не очень хочется рассказывать, особенно если это семья венценосная. А может, потому, что гувернантки не привыкли задумываться о себе, о своем месте при дворе. Поэтому эта книга будет не совсем обычной. В первой части воспитанница расскажет о своих педагогах, во второй мы узнаем историю дочери поэта, которая стала придворной дамой, из придворной дамы – гувернанткой, а из гувернантки – политиком. И наконец, в третьей нас ждут мемуары воспитательницы последних русских принцесс. Приятного чтения.

Быть гувернанткой – непростая, но очень важная миссия.

«Воспитание – это то, что остается, когда все остальное потеряно».

(Надин де Ротшильд)

Часть I

Дочери Николая I

или

У семи нянек дитя без глазу

Быть воспитательницей царских детей – ответственная работа. Особенно когда император такой строгий, каким был Николай I. Сначала в семье родился наследник, великий князь Александр. Для него был сформирован целый штат нянек, в главе которого стояла директриса Смольного института Юлия Федоровна Адлерберг.

Урожденная Анна Шарлотта Юлиана Багговут, она происходила из Багговутов – дворянского рода выходцев из Норвегии. Родилась Юлия в Ревеле 15 (26) октября 1760 года. Она уже была вдовой полковника Густава-Фридриха (Федора Яковлевича) Адлерберга, когда в 1797 году Мария Федоровна и Павел пригласили ее воспитывать своих младших сыновей Николая и Михаила. Юлия Федоровна подчинялась назначенной еще Екатериной II Шарлотте Карловне Ливен.

Шарлотту Карловну Николай очень уважал и вспоминал о ней как о женщине, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили». При дворе о Шарлотте Карловне рассказывали легенды: говорили, что когда Екатерина пригласила ее для воспитания своих пяти внуков, то Шарлотта Карловна без обиняков высказала ей, что она согласна взяться за эту работу только при том условии, если сможет удержать детей подальше от распущенных нравов двора, и грозная императрица должна была подчиниться скромной провинциалке, вдове лифляндского офицера.

Юлия Федоровна отвечала лично за здоровье Николая, а потом и за здоровье Михаила. Она, как и Шарлотта Ливен, была по-немецки дотошна и рассудительна. Впрочем, не обошлось и без недоброжелателей. Один из них пишет: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне».

Из записок Николая I

Вскоре после кончины императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг. Во время коронавания государя и путешествий, как предшествующего, так и последующего, сестра моя Анна и я, так как были слишком малы, чтобы сопутствовать государю, были оставлены в Петербурге, под присмотром обершенка Загряжского. Одновременно с сестрою Анною же нам была привита оспа, что по тогдашним временам представлялось событием необычайной важности, как совсем в обиходе не знакомое. Оспа у меня была слабая, у сестры же она была сильнее, но мало оставила следов.

Одновременно с нами также привили оспу сыну и единственной дочери госпожи Адлерберг, сыну Панаева и еще нескольким детям. Это происходило в Зимнем дворце; некоторое время спустя, ввиду того, что в то время переезжали в Павловск, мы были отделены от прочих и помещены с сестрою в доме Плещеева. Михаил, родившийся 28 января 1798 года, находился в то время сперва в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе...

В это время я познакомился с детьми госпожи Адлерберг: дочь ее, Юлия, была восьмью годами старше меня, а сыну ее, Эдуарду, было тогда пять лет. Я шел по Зимнему дворцу к моей матушке и там увидел маленького мальчика, поднимавшегося по лестнице на антресоли, которые вели из библиотеки. Мне хотелось с ним поиграть, но меня заставили продолжать путь; в слезах пришел я к матушке, которая пожелала узнать причину моего плача; приводят маленького Эдуарда, и наша 25-летняя дружба зародилась в это время. Сестра моя в то же время нашла в лице Юлии подругу, которая, 25 лет спустя, должна была сделаться гувернанткой моей старшей дочери.

Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, напояженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки. Только в течение первого года дежурные дамы находились ночью при детской кровати, чередуясь между собой, – позднее они оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной.

Когда нас возили на прогулку в экипаже, что при жизни императрицы никогда не случалось без предварительного разрешения самой императрицы, после же ее смерти – с дозволения графини Ливен, то мы обыкновенно выезжали в полдень, моя сестра со мною вместе; впоследствии сестра выезжала одна, а Михаил и я катались вдвоем.

То были позолоченные шестиместные кареты, которым предшествовали два гвардейских гусара, позднее впереди ехали два вестовых в сопровождении конюшенного офицера с вестовым; два лакея – сзади за каретой. В праздничные дни карета была в семь стекол, то есть вся прозрачная, кроме спинки. Две англичанки с детьми на коленях занимали заднее сиденье, две дежурные дамы помещались против них. Когда госпожа Адлерберг была представлена ко мне, то преимущественно она со мною выезжала, и с нею дежурная дама.

Ничто не делалось без разрешения графини Ливен, которая часто нас навещала. Обедали мы, будучи совсем маленькими, каждый отдельно, с нянькой, позднее же я обедал вме-

сте с сестрою. Обыкновенно это давало повод к частым спорам между детьми и даже между англичанками из-за лучшего куска.

Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрышки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, что ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи...

Нас часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор Голлидей, который нам привил оспу.

Из духовного завещания Николая I

С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь.

* * *

12 (24) апреля 1802 года Юлия Федоровна получила должность начальницы Смольного института благородных девиц.

В 1818 году 58-летнюю Юлию Федоровну пригласили для воспитания наследника – Александра Николаевича, старшего сына Николая Павловича, тогда еще великого князя. Ее первой помощницей стала ее дочь, жена небогатого дворянина Трофима Осиповича Баранова – Юлия Федоровна Баранова. Юлия Федоровна – младшая была матерью четырех детей и отличалась мягким и добрым нравом.

За младенцами царской семьи ухаживали надзирательница Н. В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки – А. А. Кристи, Е. И. Кристи и М. В. Касовская.

Юлия Федоровна – старшая в 1824 году была пожалована в статс-дамы, получила орден Святой Екатерины 2-й степени, а затем 1-й степени. Она умерла 20 сентября (2 октября) 1839 года в Санкт-Петербурге и была похоронена на Волковом лютеранском кладбище. После ее кончины Николай I писал И. Ф. Паскевичу: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило».

А Юлия Федоровна – младшая стала, как уже было сказано выше, воспитательницей маленького Александра и старшей дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»¹

Если Мэри плохо училась, несмотря на свои хорошие способности, то помимо ее детского легкомыслия это было виной мадам Барановой, не имевшей и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием. Слишком хорошенькая, слишком остроумная, чтобы вызывать неудовольствие своих учителей, она могла бы, если б с ней правильно обращались, преодолеть все препятствия и быстро наверстать потерянное. Сесиль Фредерикс часто говорила ей: «Мэри, что могло бы из вас получиться, если бы вы только хотели!».

¹ Полностью воспоминания Ольги Николаевны опубликованы в книге: Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. М.: Алгоритм, 2017.

Портрет Николая I.

Художник – Франц Крюгер. 1852 г.

Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссийский с 14 (26) декабря 1825 года.

«Лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию».

(Николай I)

* * *

В ноябре Папá привез из Берлина домой Мамá с Мэри. Мэри получила по возвращении свою собственную квартиру, покинула наш флигель и переехала поблизости к Саше. В Берлине с ней обращались как со взрослой ввиду того, что там принцессы в пятнадцать лет, после конфирмации, переходят из рук воспитательниц в руки придворных дам. Мадам Баранова получила орден Св. Екатерины, и Матвей Виельгорский был назначен шталмейстером ввиду приемов и представлений, в которых Мэри должна была принимать участие. Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папá сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могущая стать необыкновенно мягкой, безрассудно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мамá. Сама еще молодая, она радовалась успеху дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри, которая объявила, что никогда не покинет Отечества. За кого же она выйдет замуж?

* * *

Не повезло с гувернанткой и младшей дочери Николая – Александре.

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

В то время как Саша отсутствовал, а Мэри была всецело поглощена своим женихом, я снова сблизилась с Адини, которая постепенно превращалась в подростка. Прелестная девочка, беспечная как жаворонок, распространявшая вокруг себя только радость. Ранняя смерть – это привилегия избранных натур. Я вижу Адини не иначе как всю окутанную солнцем.

Совсем еще маленьким ребенком она привлекала к себе прелестью своей болтовни. Она обладала богатой фантазией и прекрасно представляла не только людей, но даже исторические персонажи, словно переселяясь в них. В одиннадцать лет она могла вести за столом разговор, сидя рядом с кем-нибудь незнакомым, как взрослая, и не казаться преждевременно развитой: ее грациозная прелесть и хитрая мордочка говорили за себя. Все в доме любили ее, дети придворных ее возраста просто обожали. Я уже упомянула, что у нее было прекрасное сопрано. Придворные дамы, понимавшие толк в пении, время от времени занимались с ней, отчего она даже была в состоянии, если и не без сердцебиения, петь дуэты со старым певцом Юлиани. Он преподавал пение в Театральном училище, и Адини была очень польщена тем, что он принимал ее всерьез. Грациозность сказывалась во всем, что она делала, играла ли она со своей собакой, влезала ли на горку или же просто надевала перчатки. Ее движения напоминали Мамá, от которой она унаследовала гибкую спину и широкие плечи. В семье она называлась всеми «Домовой». Ее английская воспитательница, поставившая себе задачей закалить Адини, выходила с ней на прогулку во всякую погоду, что в один прекрасный день вызвало сильный бронхит, и ее жизнь была в опасности. Благодаря своему прекрасному организму она оправилась совершенно, но с болезнью исчез в ней ребенок. Близость смерти сделала ее совершенно иной. Смысл жизни и мысли о потустороннем стали занимать ее. Вся исполненная особого благоговения, готовилась она к посту, вместе со мной к Причастию. Бажанов, наш духовник, заметил, что она производит впечатление, точно едва ступает по земле. И несмотря на это она отнюдь не была натурой, которые теряются в неведомом, она осталась по-прежнему веселой, стала только более спокойной и гармоничной, чем прежде. Мы много говорили с ней, особенно о будущем, так как мы были еще очень молоды, чтобы говорить о прошлом. Чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному, и прежде всего к предкам и их делам, и привьем им любовь и преданность семье. Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства.

Когда, с приближением зимы, мой кашель не прервался, а распухшим гландам Адини не стало лучше, доктора предложили отправить нас на морские купанья в Доберан, расположенный в Мекленбурге, где сестра Мамá, тетя Александрина смогла нас взять под свое покровительство. Мысль отправиться за границу без родителей нас совершенно не радовала. Нас погрузили на «Ижору», единственное судно Балтийского военного флота, имевшее ход девять узлов. Папа провожал нас до Ревеля. Не доходя до города, нам дали знать, что идет почтовый пароход из Любека. Весть для нас? Да! Мы остановились; Папá открыл депешу и побледнел: холера в Доберане! «Назад!» Возвращение! Какое счастье! Так думали мы. Но нет! Судно берет направление на Ревель, не возвращаясь в Петербург. Папа решил, что мы останемся в Екатеринентале (дворец), где нас устроили наспех.

Потом в этом первом приключении нашей жизни открылась своя прелесть. Папá поспешил возвратиться в Петербург, чтобы успокоить Мамá, и передал нас на попечение князя

Василия Долгорукого и его адъютанта, который был командиром нашего судна. Его звали Литке, и он только что вернулся из кругосветного путешествия. Нам было ново и интересно наблюдать за тем, как он себя вел, так как он был молчалив и неопытен в придворном быту. Особенно же велико было смущение нашей Юлии Барановой в этих импровизированных обстоятельствах.

* * *

В 1834 году нас посетил наш дядя, принц Оранский, со своим старшим сыном (теперешним королем Вильгельмом Нидерландским). Принц, который в свое время был адъютантом герцога Веллингтона, был очень хорош собой, к тому же овеян ореолом военных успехов. Он и его супруга, принцесса Шарлотта (подразумевается великая княгиня Анна Павловна²), великосветская дама, говорившая по-французски как парижанка, имели все данные, чтобы понравиться в Петербурге. Сын же, семнадцати лет, был настоящий остолоп. Как кузен и товарищ детских игр, каким он являлся, он проводил многие часы в наших комнатах. Он был влюблен в Мэри. Когда его отсылали под предлогом, что нам надо учиться, он прятался между двойными дверьми наших комнат. После каждого долгого молчания, позволявшего ему заключить, что урок кончился, он неожиданно у нас появлялся. Только в случаях, когда на урок приходил Батюшка, его удавалось окончательно удалить. Он боялся одежды и бороды последнего. Точно такое же действие производила на него воспитательница Адени мисс Броун, которую он к тому же находил глупой. Однажды он бросил ей в лицо нашу болонку, разозлившись на то, что она выбрала его партнером во время игры в «Молчание». Она должна была это сделать поневоле, оттого что он был последним. Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось его удалять насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног. Я думаю, он царапался бы, если бы это было возможно. История с мисс Броун и болонкой дошла до ушей его отца. Он получил 24 часа домашнего ареста. Когда он вновь появился, он стал еще невыносимее. Во время игры в серсо он втыкал булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок. Наконец чаша переполнилась, и мы серьезно пожаловались Папá, который решил, что молодой человек вместо того, чтобы сидеть за детским столом, будет отныне сидеть со взрослыми. Эта честь только разозлила его. Принц Оранский признался, что ничего не понимает в воспитании, но он тем не менее противился всему, что в этом отношении решала его жена. Супруги жили несчастливой семейной жизнью.

* * *

Весной этого года³ мои родители поехали на короткое время в Москву и навестили окрестное дворянство в их имениях. Они взяли с собой Адени и Кости.

Во время этой поездки Литке влюбился в мисс Броун, на которой он потом и женился. По возвращении Адени рассказывала нам, что это были лучшие дни ее жизни. Она была совершенно предоставлена самой себе ввиду того, что влюбленные никого и ничего, кроме себя самих, не видели.

² Сестра Николая I, тетьа Ольги.

³ 1835.

* * *

Год приближался к концу, скоро должен был наступить новый⁴, которому суждено было бросить на мою жизнь глубокую тень. В октябре приехала мистрис Робертсон, известная английская художница, чтобы написать с Адини большой портрет в натуральную величину. В розовом платье, с волосами, заплетенными в косы по обе стороны лица, – такой она изображена на нем. Она была немного меньше меня ростом, с не совсем правильными чертами лица и очень хороша своеобразной красотой. Ее лицо всегда сияло весельем; но сейчас же меняло свое выражение, как только начинался разговор о чем-нибудь серьезном. В молитве, когда я закрывала глаза, чтобы сосредоточиться, она, наоборот, широко открывала глаза и поднимала руки, точно желая обнять небо. Она, которая так нетерпеливо ждала момента, когда попадет в общество, уже после одного года, вернее одной зимы, была разочарована той пустотой, которую встретила. «Жизнь только коридор, – говорила она, – только приготовление». Она любила религиозные книги. Ее «Подражание Христу» было совершенно испещрено карандашными пометками, особенно глава о смерти. И несмотря на все это, у нее не было никаких трагических предчувствий, каждый считал ее обладательницей здоровой натуры. Она никогда не садилась во время богослужения, даже если оно продолжалось часами. Когда она бывала в комнатах детей, она всегда поднимала маленьких на воздух, кружилась с ними, шалила с младшими братьями и совершала с ними самые дальние прогулки верхом. Обежать парк в Царском Селе было для нее пустяком, в то время как я считалась хрупкой и была обязана беречься. И все-таки это я должна была ее пережить! С июня этого (1843) года Адини начала кашлять. Мисс Броун, вместо того чтобы обратить на это внимание, заставила ее продолжать принимать морские ванны, которые считала закаливающими, и по ее почину Адини принимала их каждый день. Когда мы поехали поздней осенью в Москву, кашель настолько усилился, что Адини несколько раз просила освободить ее от вечерних приемов. Зимой она снова поправилась и в Рождественский пост могла принимать участие в службах, которым отдавалась с еще большим рвением, ввиду предстоящей разлуки с нами и своим девичеством. Фриц Гессенский приехал в Сочельник к раздаче подарков. В Концертном зале были расставлены столы, каждому свой. Я получила тогда чудесный рояль фирмы «Вирт», картину, нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа браслет с сапфиром – его любимым камнем. Для Двора и светского общества был праздник с лотереей, на которой разыгрывались прекрасные фарфоровые вещи: вазы, лампы, чайные сервизы и т. д.

⁴ 1844.

Портрет Александры Николаевны.
Художник – Кристина Робертсон. 1840 г.

Александра Николаевна («Адини», 1825–1844) – младшая дочь Николая I и его жены Александры Федоровны, названная в честь своей тетки по отцу Александры Павловны. Была любимицей отца, славилась своей красотой и легким характером

26 декабря было официальное празднование помолвки Адини, а на следующий день большой прием. Фриц рядом со своей прелестной невестой казался незначительным и без особой выправки. Позднее я вспоминала, как был обеспокоен старый доктор Виллие, лейб-медик дяди Михаила, после того, как, пожав руку Адини, он почувствовал ее влажность. «Она, должно быть, нездорова», – сказал он тогда.

* * *

16 (28) января 1844 года Александра Николаевна вышла замуж за Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского. В то время ее легкие уже были серьезно поражены туберкулезом. Течение болезни ускорилось под влиянием наступившей вскоре беременности. Это печальное известие сообщил семье лейб-медик Фридрих Иванович Мандт. Молодая семья осталась в Царском селе, так как Александра не перенесла бы путешествия. За три месяца до срока она родила сына, который умер вскоре после рождения, и в тот же день скончалась сама. Вместе с сыном Вильгельмом она была похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. В память об Александре императорская семья распорядилась поставить в парке Петергофа, рядом с дворцом «Коттедж», бюст (в настоящее время восстановлен), а в Царском Селе – часовню со статуей великой княгини с ребенком на руках (работы И. П. Витали). Сейчас часовня утрачена, статуя хранится в Царскосельском дворце. В Санкт-Петербурге после смерти Александры Николаевны был открыт детский приют ее имени и Александровская женская клиника.

* * *

Воспитательницей великой княжны Ольги Николаевны была шведка Шарлотта Дункер, потом ее сменила Анна Алексеевна Окулова. В своих мемуарах Ольга Николаевна подробно рассказывает о том, как это произошло. Взрослые, знавшие обеих воспитательниц, отзывались о них не очень комплиментарно.

Из мемуаров Александры Осиповны Смирновой-Россет

При великих княжнах была Юлия Федоровна Баранова, дочь графини Адлерберг, очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером⁵ пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер, Марию Николаевну с меньшей сестрой, что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили.

Швейцарец Жилль и Жуковский были учителями; впоследствии Плетнев заменил Жуковского, когда науки сделались серьезнее. Русскую историю преподавал профессор Арсеньев, скучнейший из смертных. Император ему сказал: «Русскую преподавать до Петра, а с Петра я сам буду учителем». На этих же лекциях никто не присутствовал. Государь знал все двадцать томов Голикова⁶ наизусть и питал чувство некоторого обожания к Петру. Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти. Глядя на него, он отдал богу душу, которая и на земле всегда всецело принадлежала своему Творцу. Надобно сказать, что императрица никогда не была довольна обстановкой своих детей; она очень справедливо говорила, что Юлия Федоровна Баранова была неудовлетворительна как гувернантка такой острой девочки, как великая княжна Мария Николаевна; тогда взяли во фрейлины Наташу Бороздину. Наследник приударил за ней. Мария Николаевна этим забавлялась и сделалась *confidente*⁷ его детских и невинных преследований. К счастью, Наташа была благоразумная девочка и смеялась над его вздохами. Наташа всегда была в большой дружбе с великим князем и пользовалась милостями государя.

* * *

Из этой записи видно, что дети волей-неволей вовлекались в дворцовые интриги, которые им были явно «не по возрасту».

⁵ Карл Карлович Мердер (8 января 1787 – 24 марта 1834) – генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель императора Александра II.

⁶ Сочинения И. И. Голикова: «Деяния Петра Великого» (М., 1788–1789. Т. 1–12); «Дополнения к деяниям Петра Великого» (М., 1790–1797. Т. 1–18).

⁷ Поверенной (*фр.*).

Из мемуаров великой княгини Ольги Николаевны «Сон юности»

С некоторых пор я перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки Шарлотты Дункер, шведского происхождения и протестантского вероисповедания. Она не знала иной родины, как шведский монастырь в Санкт-Петербурге, в котором она девять лет была ученицей и девять лет учительницей. Образованная и строгая, она внушала мне уважение к работе. В пять лет я могла читать и писать на трех языках. Что же касается музыки, то тут ее строгость не повлияла на успехи. Тетя Мария Павловна Веймарская (сестра Папá), которая присутствовала на уроке, посоветовала оставить рояль: «У нее нет способностей», – сказала она. Я была необычайно горда, доказав ей в 1843 году противоположное, когда уже играла наизусть, что от меня требовалось, и аккомпанировала графине Росси (Зонтаг⁸), когда она пела...

* * *

В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл Карлович Мердер. Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Карл Карлович очень любил меня, маленькую и застенчивую. Он точно оценил искренность моих побуждений и взглядов: «Что она говорит, то она и делает: человек слова. Это определение принесло мне счастье.

Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания Наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия: «Что такое символ?». Я молчу. «Знаете ли вы слово „символ“?» – «Да». – «Хорошо, говорите!» – «Я знаю символ веры, верую». – «Хорошо, значит, что обозначает символ веры?» Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании, нашей Мама́, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: «Что вы, собственно, хотите?». Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал⁹.

⁸ Генриетта Гертруда Вальпургис Зонтаг, в замужестве – графиня Росси; немецкая оперная певица (колоратурное сопрано), с большим успехом выступала в Петербурге и в Москве в 1830–1837 годах.

⁹ Весьма критически оценивал педагогические способности Жуковского и сам Александр II.

Портрет Василия Андреевича Жуковского.

Художник – Карл Брюллов. 1837 г.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) – русский поэт, переводчик, критик, наставник императора Александра II.

«Твердость есть сила, основанная на союзе разума с волей. Упрямство есть слабость, имеющая вид силы; она происходит от нарушения равновесия в союзе воли с разумом».

(Василий Жуковский)

При выборе учителей считались с советами пастора Муральта, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга. Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло нам вреда. Потом, после того как он женился на Елизавете Рейтерн¹⁰, я полюбила его. Благодаря ей он встречался со строгим протестантом Рейтерном и пылким католиком Радовицем. Он сам, православного вероисповедания, был малосведущ в делах своей церкви. Он стал изучать православие, чтобы быть достойным противником в дискуссиях с ними.

* * *

Опять встают передо мной картины нашей детской жизни. В память моего посещения монастыря в Новгороде игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком Папá подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адени играла в какую-нибудь мною же придуманную игру. По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три года старше Адени – и часто чувствовала себя немного одинокой. Я начала уже отдаляться от мирка игр Адени, в то время как не могла еще подойти к миру взрослых, к которому в свои четырнадцать лет уже принадлежала Мэри. Мои сестры были жизнерадостными и веселыми, я же – серьезной и замкнутой. От природы уступчивая, я старалась угодить каждому, часто подвергалась насмешкам и нападкам Мэри, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой, плакала по ночам в подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей: вместо их ребенка она положила мою молочную сестру. Мадемуазель Дункер только способствовала моему одиночеству. Благодаря своему характеру она мгновенно вспыхивала и сейчас же передавала свое неудовольствие Юлии Барановой, которая в свою очередь тотчас же брала сторону своей воспитанницы Мэри. Вкрадывалась натянутость в отношения, и каждая оставалась со своей ученицей в своей комнате. Воспитатель Саши генерал Мердер, который был в хороших отношениях с Шарлоттой Дункер, умел меня подбодрить и внушить мне доверие к себе, говоря, что ни мое спокойствие и ни моя застенчивость отнюдь не значат, что я неспособная, но указывают на качества глубокой натуры, которой нужно время, чтобы развиться. Сходство моей натуры с Сашиной сделало то, что он был необычайно чуток и близок со мной.

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин, и вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились, оттого что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты.

¹⁰ 58-летний Жуковский обвенчался в 1841 году в Дюссельдорфе с 19-летней Елизаветой Евграфовной Рейтерн, дочерью его давнишнего приятеля, живописца Е. Р. Рейтерна, и больше 12 лет прожил со своей новой семьей в Германии.

* * *

Мадемуазель Дункер вернулась домой¹¹ довольная и в хорошем настроении: она завела массу знакомств, всюду ее приглашали и прекрасно принимали. В Петербурге она никогда никуда не выезжала. У нее не было даже родных, кроме ее матери, которую она, – я никогда не узнала, из каких соображений, – не смела навещать. Поэтому совершенно не удивительно, что все тепло и вся любовь, к которой было способно ее сердце, направлены были на меня, и она подсознательно отгораживала меня от остальных. Мэри не питала к ней ни малейшей симпатии и неизменно при каждом удобном случае заставляла ее это чувствовать. Юлия Баранова была не в силах что-либо предпринять против этого; за дерзостями следовало то, что каждый оставался в своем углу. В учении я сделала колоссальные успехи: только на полгода я отставала от Мэри, которой было уже шестнадцать лет. Учителям, видимо, доставляло радость подвигать меня так быстро, и чем дальше я шла в ученье, тем усерднее я становилась.

Но я совершенно не чувствовала себя счастливой. Мое существо становилось скорее еще более замкнутым, моя склонность к религии обращалась в мистику. Если бы это продолжалось еще дольше, я совершенно замкнулась бы в своих четырех стенах. Мама первая обратила на это внимание. Она стала спрашивать. Мэри, как всегда, не жалела жалоб. Пробовали обратиться к Шарлотте Дункер, для чего избрали Баранову, которая была слишком неумна для того, чтобы успешно провести такую роль. Но родители относились к ней очень хорошо благодаря ее приятной незлобивой натуре. Слушали, правда, и нас, но не вникали в мелочи. Таким образом, многое являлось в ложном свете. Шарлотта, которую в свое время поддерживал и которой давал советы генерал Мердер, оставалась теперь совершенно одна, и оттого, что она чувствовала себя отодвинутой на задний план, она стала вспыльчивой и склонной к сценам. Папа услышал об этом и решил, что нужно нас разъединить. Он не любил половинных мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских. Это решение было вызвано следующим.

Был август 1836 года. Мы возвратились с Елагина в Петергоф. Жюли (Юлия Баранова) оставалась из-за болезни в Смольном. Нас, трех сестер, поручили Шарлотте, и мы все вместе ежедневно предпринимали поездки в фаэтоне. Мэри, которая хорошо знала расположение, давала указания кучеру и направляла экипаж в Новую Деревню, где размещалась гвардейская кавалерия. Как только появлялся царский экипаж, дежурные офицеры должны были его приветствовать. Для нас, детей, это не играло роли; Мэри же не была больше ребенком. Когда мы ездил под присмотром Жюли, Мэри научила нас толкать ее ногой, если издали появлялся кто-нибудь знакомый. В таком случае Мэри сейчас же поворачивала голову в противоположную сторону и обращала внимание Жюли на что-нибудь там, и когда экипаж был достаточно близко от знакомого, ему посылались приветствия и улыбки, в то время как Жюли все еще смотрела в противоположную сторону. Это проделывалось ежедневно, и Жюли не догадывалась об этой шалости. То же самое Мэри попробовала было с Шарлоттой. Но та заявила, что совершенно не нужно ежедневно ездить через Новую Деревню, и запретила нам, младшим сестрам, толкаться ногами в коляске.

Это кончилось сценой и слезами с обеих сторон, Шарлотте не удалось справиться со своим волнением, всем было заметно ее возбуждение. Ночь она провела с нами, но на следующий день, когда я проснулась, она не появилась, как не появилась и к завтраку, и когда ее не оказалось, чтобы идти гулять, меня охватило недоброе предчувствие. Я вихрем взлетела по лестнице в комнату, где она обычно одевалась, и нашла там ее шиньон, ее лорнет,

¹¹ Из заграничной поездки императорской семьи в 1835 году на Сицилию в связи с болезнью Александры Федоровны.

ее шелковое фишю¹² все разбросанным в беспорядке, точно она куда-то торопилась. Тут я разразилась слезами. Мэри стояла подле очень смущенная, Адини же ничего не понимала и была в замешательстве. Я знаю, что в глубине своего сердца Мэри упрекала себя в том, что так меня огорчила. Перед тем как мы должны были выйти, меня позвали к Мама. Увидев мое заплаканное лицо, Мама сказала мне, что эта разлука была необходима. К этой мысли Мама хотела подготовить меня постепенно. И все же никто не сумел понять, насколько я любила свою Шарлотту и насколько была к ней привязана.

Мама оставила меня у себя, окружила вниманием и лаской и ждала, пока я заговорю, чтобы все разъяснить мне. Я обожала свою мать, но в эту минуту мое сердце разрывалось на части и я не смогла ничего сказать. Через несколько дней Мама передала мне маленькое письмо, благословила меня и сказала нежно: «Прочитай его перед сном!». Я сохранила его в моем молитвеннике. В нем было все, что я уже предчувствовала, что я боялась узнать. Решение родителей мне показалось ужасным; но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться. Мама была очень мила ко мне и посвящала мне, ввиду отсутствия Папа, все свое время. Я могла спать с ней, мы вместе гуляли, и в туалетной комнате Папа проходили мои занятия. Мама подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества. Как гувернантку взяли на пробу мадам Дудину, начальницу одного приюта. Ослепленная жизнью при Дворе, до сих пор ей непривычной, она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня, и в то время, пока она была у нас, я привязалась к Авроре Шернваль фон Валлен, которая как раз была назначена фрейлиной¹³. Дочь шведа-отца и матери-финляндки из Гельсингфорса, она была необычайной красоты, как физически, так и духовно, что сияло в ее красивых глазах. Когда она говорила о лесах, скалах и озерах своей родины, все в ней светилось. Ее взгляд и осанка говорили о гордости и независимости, она была настоящей скандинавкой. Поль Демидов, богатый, но несимпатичный человек, хотел на ней жениться. Два раза она отказала ему, но это не смущало его и он продолжал добиваться ее руки. Только после того как Мама поговорила с ней, она сдалась. «Подумай, сколько добра ты сможешь делать». Этими словами Мама окончательно убедила ее. В день своей свадьбы она подарила мне «слезу своего сердца», маленькое черное эмалевое сердце с брильянтом, которое я бережно храню. Во втором браке она была замужем за Андреем Карамзиным, на этот раз по любви. Но счастью ее не суждено было долго длиться. В 1854 году Андрей пал смертью храбрых в Силистрии. Оставшись вдовой, она нашла утешение в том, что делала добро где только могла.

¹² Косынка, шейный платок.

¹³ Баронесса Ева Аврора Шарлотта Шернваль – из рода финских шведов, фрейлина и статс-дама русского императорского двора, общепризнанная красавица, адресат стихов Баратынского.

Анна Алексеевна Окулова в русском наряде.
Художник – Пимен Орлов. 1837 г.

Анна Алексеевна Окулова (1795–1861) – фрейлина двора и воспитательница великой княжны Ольги Николаевны; кавалерственная дама ордена Святой Екатерины (меньшого креста) и камер-фрейлина двора. Оставила памятные «Записки», незначительная часть их напечатана в «Русском Архиве» (1896)

Мадам Дудина оставалась при мне только несколько недель. Накануне Николина дня, 5 декабря, у меня появилась Анна Алексеевна Окулова, и с ней началась моя новая эра жизни. Выбор Анны Алексеевны был сделан Папá. Когда она была институткой Екатерининского института в Петербурге, ее уже знала Бабушка, очень ценила и оказала ей во время своей поездки в Москву какое-то благодеяние. Папá помнил ее веселое, открытое лицо. Она жила со своей семьей в деревне и ввиду того, что были затруднения денежного характера, заботилась об управлении имением и воспитании своих младших братьев и сестер. Все уважали ее энергию и предприимчивость. Чтобы избежать всяких неожиданностей и неприятностей, ее положение при Дворе, а также ее доходы были с самого начала утверждены. Ее сделали фрейлиной, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Жюли Баранова, русское платье синего цвета с золотом, собственный выезд и ложе в театре. Я встретила ее впервые на одном музыкальном вечере Мама́. Она сейчас же покорила мое сердце. Мне показалось, что повеяло свежим воздухом в до сих пор закрытую комнату. Она совершенно изменила меня. Ей сейчас же бросилось в глаза, какая я замкнутая и насколько лучше я могла писать, чем изъясняться, и она мне предложила вести дневник, чтобы я могла ясно себя увидеть и чувствовать себя свободнее. Она надеялась таким образом уменьшить и мою застенчивость. Я с готовностью приняла ее предложение и настолько привыкла писать дневник, что это стало для меня приятной необходимостью. Успех оправдал ее ожидания, я научилась выражать свои чувства и стала общительней.

Счастливым характер Анны Алексеевны вскоре привлек к ней много друзей, а здравый ум направил правильным путем через лабиринт придворной жизни. Озадаченная непониманием между нами, сестрами, она сейчас же стала искать причину этого. Она никогда не говорила «моя великая княжна», она всегда называла нас вместе и старалась в свободные часы занимать нас всех общим занятием. Мэри она завоевала своей жизнерадостностью, а также рассказами из времен своей юности. В Екатерининском институте¹⁴ она видела Бабушку¹⁵ каждую неделю, когда та посещала девочек, всегда в нарядном платье, чтобы доставить удовольствие детям, которые любовались ее драгоценностями. Она рассказывала о войне, о своем бегстве из Москвы в 1812 году, о своем бегстве в Нижнем Новгороде, о возвращении в родной сожженный город. Она заставляла нас рисовать по оригиналам и читала при этом вслух по-русски. Мама, которая была еще очень слаба после неудачных родов, много бывала у нас, также и Саша, впрочем, тот больше из-за молодых фрейлин. Мы играли, пели и жили беззаботной жизнью веселой компании. К сожалению, Анна Алексеевна, которая так удачно завоевала наш круг, сделалась вскоре жертвой несчастного случая. Широкий рукав ее муслинового платья загорелся от свечи; я же, вместо того чтобы помочь ей, потеряла голову и стала звать на помощь. Прежде чем вбежавший камердинер смог потушить пожар своими руками, она уже получила ожоги на руке и груди, от которых потом остались рубцы.

* * *

Папá распорядился, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого. Для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей, две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль. Каждая из нас имела камердинера, двух лакеев и двух истопников.

¹⁴ Екатерининский институт благородных девиц – место обучения дочерей нетитулованных дворян. Здание института размещалось на наб. реки Фонтанки (д. 36). О Екатерининском институте см.: Смольный институт. Дневники воспитанниц. М.: Алгоритм, 2017.

¹⁵ Императрица Мария Федоровна, жена Павла I и мать Николая I, была патронессой Екатерининского института.

Общий гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же у каждой из нас был свой кучер. Мой Усачев умер в 1837 году и был заменен Шашиным, который сопровождал меня в Штутгарт. Прекрасный человек, прослуживший мне 37 лет и умерший в 1873 году. Я посещала его во время болезни; ему ампутировали обе ноги, но он все еще был весел и встречал меня всегда своей всегдашней доброй улыбкой и благословлял меня. Никогда и ни в чем я не могла упрекнуть его. Единственное, что ему ставилось в Штутгарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям.

Наши преподаватели получали 300 серебряных рублей в год и должны были получать эту же сумму пожизненно, как пенсию. Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей до нашего пятнадцатилетия, чего нам никогда бы не хватило, если бы Мама́ не помогала нам подарками на Рождество и в дни рождения.

На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папа́ проверял наши расходы. После его смерти наш капитал стал употребляться для уделов.

* * *

Анна Алексеевна очень следила за моими науками: предполагалось, что я выйду замуж в шестнадцать лет. Я начала писать маслом. Наш учитель рисования Зауервейд¹⁶ устроил мне в Шашиной башне ателье, к которому вели сто ступенек. Оттуда можно было наблюдать за облаками и звездами. Он хотел научить меня быстрой и успешной манере писать. Я принялась за это с восторгом и была вскоре в состоянии с успехом копировать некоторые картины в Эрмитаже. Зауервейда в Дрездене обнаружил Папа́. Он писал батальные сцены и копировал художников с таким совершенством, что потом многие эти копии были проданы как оригиналы.

Тут, кстати, хотелось бы коротко описать наших различных преподавателей.

Мосье Жилль, родом из Женевы, наш преподаватель истории, говорил не слишком приятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию. Все, чему он нас учил, было легко понять и хорошо запоминаться. Он обращал наше внимание на достойных примерах людей или их поступки, будь то на поприще искусства, науки или исследований. Так, например, мы знали об Александре Гумбольдте¹⁷ и его приезде в Петербург, знали об исследователе Южного полюса капитане Россе¹⁸ и о фон Хаммеле, взошедшем первым на Монблан. Он приносил нам самые лучшие литографии, чтобы пробудить в нас интерес к дальним странам. Папа назначил его потом заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Ввиду

¹⁶ Зауервейд Александр Иванович (1782–1844) – немецкий и русский художник, профессор батальной живописи Императорской Академии художеств. При Николае I был преподавателем рисования при великих князьях.

¹⁷ Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник. Почетный член Петербургской академии наук. Побывал в России в 1829 году по приглашению российского министра финансов, для того чтобы посетить уральские рудные месторождения. Побывал в Санкт-Петербурге, Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Перми. Осмотрел месторождения железных, золотоносных руд, самородной платины, малахита. Побывали на известных уральских заводах, в том числе Невьянском и Верхнетуринском. Был в Тобольске, Барнауле, Семипалатинске, Омске, Миассе, по Южному Уралу с осмотром Златоуста, Кичимска, Орска и Оренбурга. Посетил Илецкое месторождение каменной соли, прибыл в Астрахань, а затем совершили небольшую поездку по Каспийскому морю. По результатам поездки издал трехтомный труд «Центральная Азия».

¹⁸ Сэр Джеймс Кларк Росс (1800–1862) – британский военный моряк, исследователь полярных районов, именем которого названы море и ледник, два острова в Антарктике (Остров Росса и Остров Джеймса Росса), вид тюленей, вид бабочек и др.

того что у него были также и большие познания в истории оружия. Как ученый он заслужил благодаря своим трудам европейскую славу.

Наш преподаватель английского языка Варранд был истинным другом детей: веселый, склонный всегда нас баловать, всегда готовый дать свой урок в саду, он позволял нам в свободное время делать с ним, что нам было угодно. На все случаи жизни у него были свои поговорки. Он был очень чистенький и аккуратный. Так, например, он каждый раз мыл себе голову перед тем, как выйти на прогулку, и случалось не раз, что, возвратясь, он не мог снять шляпы с головы, оттого что она примерзла. У него, прекрасного отца, все его дети вышли отличными существами и преуспевали на своей службе.

Наш немецкий преподаватель назывался Оёртль. Он был очень независим, но в высшей степени небрежен к своей особе. Еще сегодня я вспоминаю рисунок его вышитых подтяжек. Ногти его были всегда грязны, но система занятий – блестящая. Он постоянно заставлял нас не распускаться и вдалбливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов.

Многому учил он нас по цветным картинкам, что нам нравилось и легче запоминалось. Но потом, когда мы перешли к изучению и чтению примеров из классической литературы, мы примирились с немецким языком. Я пробовала даже писать мой дневник по-немецки, но говорить я научилась только после моего замужества.

Курно – наш преподаватель французского языка – появился у нас, когда мне было пятнадцать лет. Анна Алексеевна в своей постоянной заботе о том, чтобы развязать мне язык, обратилась к нему, знаменитому своей системой преподавания, с просьбой научить меня передать экспромтом мною слышанное или сочиненное. Вскоре он должен был отказаться от этого, уж слишком неспособной я оказалась. Тогда он стал заставлять меня писать, считая, что так я скорее могу добиться успеха. После того как я закончила свое учение у него, мы стали истинными друзьями, и читать и разговаривать с ним стало для меня искренним удовольствием. Я вспоминаю, как однажды Папá вошел ко мне и услышал, что мы читаем «Военная служба и ее значение» Альфреда де Виньи¹⁹. Он слушал некоторое время очень внимательно, затем взял книгу себе и прочел ее с начала до конца. Мысль о воинском долге, которая была заложена в основу этой книги, настолько захватила его, что он был тронут почти до слез.

Наш русский преподаватель, Плетнев²⁰, был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками как литературный критик, признаться, несколько самоуверенный. В своих суждениях он шел наперекор всем принципам и теориям, опираясь только на чистоту и искренность своего чувства. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было очень плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, в Саше – доброту сердца и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя

¹⁹ Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) – французский писатель-романтик, автор сборников стихов, исторических романов, пьес и поэм, в числе которых была одна, посвященная женам декабристов.

²⁰ Петр Александрович Плетнев (1791–1866) – критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. Был учителем словесности в женских институтах, кадетских корпусах и в Санкт-Петербургском Благородном пансионе. По рекомендации В. А. Жуковского, с 1828 года Петр Александрович преподавал литературу наследнику престола Александру II и великим князьям. Был близким другом Пушкина и Гоголя, редактировал вместе с бароном Дельвигом литературный журнал «Северные цветы», а в 1838–1846 годах, после смерти Пушкина, вел его журнал «Современник».

он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным. Он умер в 1858 году в Париже после долгой и мучительной болезни. Мэри, блиставшая в то время в Париже на празднествах и балах при дворе Наполеона III, успевала навещать нашего старого друга, чтобы отплатить ему той же верностью и добротой, которую он питал к нам, детям.

Я уже упоминала, что он был другом и издателем Пушкина. Его письма, как и статьи, всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либеральные идеи декабристов. Папа знал свой народ и Россию, как немногие. «Они должны чувствовать руку, которая ведет их», – были его слова. Управлять собой учатся не по теории. Нужно время, чтобы узнать свободу и суметь ее сохранить!

Портрет Петра Александровича Плетнева.

Художник – Алексей Тыранов. 1836 г.

Петр Александрович Плетнев (1791–1865) – критик, поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета

Однако куда же я отвлеклась?...

Тимаев, наш преподаватель русской истории, инспектор классов в Смольном, был педант и сухарь, каким неминуемо становится каждый, если он изо дня в день без всякого подъема проводит однообразную работу надзора за девятыюстами людьми (включая и педагогов). Он был единственным нашим преподавателем, который экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки.

Арифметику нам преподавал Колленс, прекрасный человек, рано умерший и замененный Ленцем, нашим преподавателем физики, профессором Академии наук и множества университетов. В нем соединялись большие знания с добродушием, что можно часто найти в немецких ученых. Я была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби²¹. Опыты эти в 1837 году вызывали глубочайшее изумление и в пользу их верили так же мало, как и в электрическое освещение. Уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах. Папа, интересовавшийся всем, что касалось достижений науки, приказал докладывать ему обо всем. Особо его интересовала техника гальванизации, столь необходимая для промышленности. Мой будущий зять, Макс Лейхтенбергский²², в 1842 году основал в Петербурге первый завод, строившийся под руководством французских специалистов. Он существует еще и сегодня, под именем завода Шопена.

Все эти преподаватели занимались обучением только нас, четырех старших. Науками Кости ведал Литке. Он выбрал ему в преподаватели некоего Гримма, рациональный метод которого принес очень хорошие плоды. Кости, имевший прекрасную память, вдали от своих летних развлечений на кораблях Балтийского флота приобрел очень большие познания в географии и математике, которые позволяли ему хорошо сдавать все экзамены. Благодаря своему пылливому уму и либеральным взглядам, не совсем обычным для Зимнего дворца, он проявил себя необычайно способным к пониманию всего делового, в то время как в обращении с людьми ему не хватало такта. Он обладал способностями государственного деятеля, и его имя останется связано с реформами, осуществленными в царствование императора Александра II. Литке умел окружить его замечательными людьми. Это он ввел к Кости Головина, который в течение тридцати лет был его правой рукой. Ему удалось провести в Морское министерство способных молодых людей, которые, как и он, стремились изгнать оттуда бюрократический дух. Этих молодых людей называли потом «Константиновичами», и все они играли более или менее значительную роль, как, например, Рейтерн в Министер-

²¹ Борис Семенович Якоби разработал так называемый «пишущий телеграф», в котором электромагнит при помощи системы рычагов приводил в движение карандаш. Запись сигналов производилась на фарфоровой доске, которая двигалась на каретке под действием часового механизма. Телеграфный аппарат Якоби в течение нескольких лет успешно работал на «царских» линиях: Зимний дворец – Главный штаб – Царское Село. Позже разработал новую конструкцию стрелочного синхронного аппарата с горизонтальным циферблатом, электромагнитным приводом и прямой клавиатурой. А в 1850 году Якоби изобрел первый в мире буквопечатающий телеграфный аппарат, работающий по принципу синхронного движения.

²² Муж Марии Николаевны, Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне, второй сын Евгения Богарне (сына Жозефины и пасынка Наполеона Бонапарта) и Августы из Виттельсбахов, принцессы Баварской, дочери короля Баварии Максимилиана I. По условию невесты и ее отца согласился после свадьбы остаться в России и поселился в женой в Мариинском дворце на Исаакиевской площади. Внес большой вклад в развитие горного дела в России (был главноуправляющим Горным институтом с 1844). Родоначальник русского аристократического семейства Лейхтенбергских, или Романовских.

стве финансов, Набоков в управлении Польши, Дмитрий Оболенский в Таможенном ведомстве, Дмитрий Толстой в Министерстве просвещения. Напомнить обо всем этом я хочу в тот момент, когда Кости, впавший в немилость у императора Александра III, совершенно отошел от дел. Это было тяжелым ударом для всех либерально мыслящих, которые могли бы, опираясь на его помощь, восстановить равновесие между кругами отсталыми и передовыми. Но, видно, было суждено иначе. Кости всегда отличался терпимостью по отношению прессы, относился с презрением ко всем нападкам на свою особу и никогда на них не реагировал. Этим объясняется, что поползли подлые слухи об его причастности к заговорам нигилистов. Слухи эти никем не опровергались. Он считал это ниже своего достоинства. Такой взгляд на вещи, вызванный только его благородством, должен был бы быть понятен не только мне одной. К сожалению, это не так.

* * *

В течение этой зимы я слышала много филармонических концертов в зале Энгельгардта²³, на которых исполнялись симфонии Бетховена, Реквием Моцарта и многое другое. Мне не доставляло это удовольствия. Анна Алексеевна, пытаясь развить мой слух, предложила предоставить мне возможность играть в трио со скрипкой и виолончелью. Она обнаружила Бэлинга, прекрасного музыканта, застенчивость которого до сих пор мешала ему сделаться известным, но его песни были уже довольно хорошо знакомы публике. Он сочинил для меня прелестные вариации на тему Национального Гимна. Я играла их Мамá в день ее рождения в апреле.

В театре вызывала восторг Мария Тальони²⁴ в балетах «Сильфида» и «Дочь Дуная». Она была некрасива, худа, со слишком длинными руками, но в тот момент, как она начинала танцевать, ее захватывающая прелесть заставляла все это забыть. Надо было ее видеть, чтобы понять, что совершенство грации способно вызвать слезы умиления.

Мэри, бывшая в восторге от Тальони, заучила с дядей Карлом па-де-де, очаровательную и остроумную пантомиму. Они танцевали его на китайском маскараде, третьем и последнем так называемом «бобовом» празднике. Все были в китайских костюмах. Высоко зачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папá был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем. Бобовой королевой была старая графиня Разумовская, выглядевшая в своем костюме замечательно. Королем был старый граф Пальфи, венгерский магнат, которого в Вене прозвали «Тиннль», очень веселый старик, охотно посещавший бульвары и кулисы театров, всегда с непокрытой головой, в жару, холод и даже в петербургскую зиму. Люди останавливались на улице, чтобы посмотреть вслед этому человечку в мадьярской одежде, с красным лицом и трубообразным носом, с волосами, зачесанными ежом. Его всюду приглашали. Его знакомства сохранились со времен Венского конгресса, так же как его внешность и замашки.

Весной Саша отправился в большое путешествие по России. Через Вятку он хотел добраться до Тобольска. Он первый из великих князей ступил на сибирскую землю. Все, имевшие до него дело или обращавшиеся к его посредничеству, были очень милостиво при-

²³ С начала XIX века в доме, принадлежавшем полковнику В. В. Энгельгардту (современный адрес: наб. канала Грибоедова, 16 / Невский пр-т, 30), проходили концерты Петербургского филармонического общества. В филармоническом зале выступали Г. Берлиоз, Р. Вагнер, И. Штраус, Ф. Лист, К. Шуман, М. И. Глинка, А. Г. Рубинштейн, Полина Виардо.

²⁴ Мария Тальони (1804–1884) – итальянская танцовщица, прославившаяся исполнением главных ролей в балетах «Бог и баядерка», «Сильфида», «Зефир и Флора», поставленных ее отцом.

няты Папá, который страстно желал, чтобы имя его сына благословлялось, где бы он ни появлялся.

В Новочеркасск Саша торжественно въехал верхом на лошади, с атаманской булавой в руках, окруженный казаками. В то время ему было девятнадцать лет. Он был высок и строен. Лицо его было более красивым, чем повелительным. В нем преобладала мягкость, и в глазах светилась доброта его души. Таким он оставался до конца своих дней, в шестьдесят лет. Неблагодарность людей и разочарования в жизни не смогли изменить его доброту, которой было пропитано все его существо.

11 июля, в день моего Ангела, он находился в Туле, откуда прислал мне икону с изображением Богоматери. Я до сих пор ее храню. Такое исходившее от сердца внимание он оказал мне тогда, когда был завален работой и обязанностями, которые занимали все его время. Оно меня тем более тронуло, что ведь обычно братья не балуют своих сестер. Осенью он встретился с родителями в Вознесенске, чтобы присутствовать на больших кавалерийских маневрах. Множество высочайших особ и принцев из-за границы уже прибыло туда; между ними также и принц Карл Баварский и с ним его племянник, принц Лейхтенбергский. С первого же взгляда Мэри его поразила. И он понравился ей, так как он был очень красивый мальчик. Но главным образом ей льстило то впечатление, которое она произвела на него, и мысль о том, что он может стать ее мужем, сейчас же пришла ей в голову. Согласится ли он остаться с ней в России? Я повторяю, что ей только пришла эта мысль, ни о каком серьезном чувстве еще не могло быть и речи.

* * *

В Москве мне пришлось принять участие в некоторых балах и торжественных обедах, без особой на то охоты: я всегда этого боялась, так как Папá очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры. Перед мазуркой меня отсылали спать. Об удовольствии не могло быть и речи.

Когда давался торжественный обед за маленьким столом на двенадцать приборов, говорил только один Папá. Он рассказывал о поездках или иных воспоминаниях, был весел, шутил или даже говорил двусмысленности. Когда он говорил о серьезных вещах, его речь захватывала, как это часто бывает у людей, которые живо воспринимают и действительно убеждены в том, что они говорят. После обеда он стоял у камина и разговаривал с генералами о военных делах: вспоминал Бородино, Лейпциг, вступление в Париж. Мама́ сидела в кругу прочих гостей. Там были очень оживленные разговоры, особенно если при этом был Серж Строганов, скрывавший под серьезной внешностью веселый темперамент и пользовавшийся большим расположением дам. По вечерам занимались музыкой или же смотрели любительские спектакли. Однажды даже давали «Севильского цирюльника», и все очень хорошо играли. Почин исходил по большей части от Мама́ и тети Елены²⁵ или от бывших придворных дам, ставших москвичками, но сохранивших еще былую энергию и умевших занимать Папá.

Несмотря на мою светскую жизнь, я все еще оставалась ребенком и сейчас еще вспоминаю те шалости, которые я придумывала тогда. Особенно запомнился мне один случай. Анна Алексеевна обещала своим племянницам привести их во дворец. Немного взволнованные предстоящим представлением великой княжне одного с ними возраста, они воображали себе этот визит очень торжественным. Адини и я сложили целую гору подушек. Задрапиро-

²⁵ Великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича.

ванные пестрыми платками и лентами из Торжка, обмотанными вокруг голов, мы сели по-турецки поверх подушек, вооружившись киями от бильярда вместо табачных трубок. Дверь отворилась – полнейший конфуз! Затем взрывы хохота, киданье подушками – так произошло знакомство. Но Анна Алексеевна была очень долго огорчена таким недостойным представлением.

Занятий в эти недели, кроме музыки и чтения, у нас не было. Вместе с Мэри мы читали вслух книгу мадам де Сталь о Германии. С Кости, который не только имел «Историю России», но и хорошо знал ее, мы посещали Оружейную палату, монастыри и музеи. Он был прекрасным чичероне и поражал всех своими меткими вопросами и замечаниями. При этом он также шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы на себя и шапку Владимира Мономаха, если бы ему не помешал Литке. Мы присутствовали при облачении Макария Булгакова²⁶, известного знатока церковной истории, митрополита Московского, который был ректором Духовной академии в Петербурге. Филарет²⁷, который возлагал на него большие надежды, принимал участие в этой церемонии.

Адини не могла сопровождать нас: у нее болела нога, и ей пришлось пролежать все время нашего пребывания в Москве на шезлонге. Днем ее носили по нашей потайной лестнице наверх к Мамá, и она принимала участие в разучивании духовных песен, – это выдумал Папá, с тех пор как узнал от Филарета, что Петр Великий пел в хоре. Наша часовня была как раз под комнатами родителей, туалетная Мамá даже сообщалась с хорами. Папá, Саша, Мэри и Адини, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые, пели всю обедню. Алексей Львов²⁸ сочинил для них песнопения, между ними «Отче наш» и чудесную «Херувимскую»²⁹, специально для Адини. По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения к празднику, а главное, прокимен³⁰, который имел на все 52 недели года для каждого воскресенья свое собственное название и молитву. У Папá стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следующего воскресенья заранее. Его глаза встречались с нашими, когда пели очередной прокимен, и Саша потом в память этого делал то же, если присутствовал кто-либо из нас, певцов тогдашнего доброго времени.

* * *

7 декабря, после именин Папá, прекрасным зимним днем, мы покинули Москву. Утром было только 5 градусов мороза, вечером, в Твери, уже 15, а на следующее утро 20 градусов. Люди смазывали лица гусиным жиром, чтобы не отморозить нос и уши. Мы были плотно закутаны в шубы, в теплых валенках до колена и ноги в меховом мешке. Мэри, которой стало

²⁶ Митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков) (1816–1883) – епископ Православной российской церкви, историк церкви, богослов. С 8 (20) апреля 1879 – митрополит Московский и Коломенский. Ординарный академик Академии наук (1854).

²⁷ Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867) – епископ Православной российской церкви; с 3 июля 1821 года архиепископ (с 22 августа 1826 – митрополит) Московский и Коломенский. Действительный член Академии Российской (1818); почетный член (1827–1841) Императорской академии наук и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. Крупнейший русский православный богослов XIX века.

²⁸ Алексей Федорович Львов (1798–1870) – русский скрипач-виртуоз, композитор, дирижер, музыкальный писатель и общественный деятель. Создатель музыки гимна «Боже, Царя храни!» (1833) и других сочинений.

²⁹ Херувимская песнь (греч. Χερουβικός ὕμνος; кратко по первым словам – «Иже херувимы») – в византийском обряде (православие и грекокатолицизм) песнопение, которое поется на Литургии.

³⁰ Прокимен (*греч.* προκείμενον – букв. «лежащий впереди») – в православной церкви неоднократно повторяемая песнь, состоящая из одного стиха псалма (чаще всего, хотя есть прокимны, взятые из Евангелия, Апостола и даже апокрифических текстов), каждое из этих повторений предваряется «стихом» в менее торжественном исполнении. Исполняется перед чтением Апостола или Евангелия.

дурно от этого закутывания, должна была пересесть в другой возок, где опускались окна. Ее место в возке Мамá заняла Анна Алексеевна; мы весь день напролет пели каноны и русские песни, музыкальный репертуар Анны Алексеевны был неисчерпаем.

На станциях крестьяне приносили нам красные яблоки и баранки. Анна Алексеевна разговаривала с ними, зная, благодаря своей долгой жизни в деревне, что их интересовало и заботило. Мамá очень одобряла это ввиду того, что сама недостаточно хорошо говорила по-русски.

* * *

Наша тетя Елена (жена великого князя Михаила Павловича) находила, что мы живем слишком замкнуто среди одинаково мыслящих, ни одна новая идея не проникает к нам и нас нужно бы несколько встряхнуть в нашем девичьем спокойствии. В один прекрасный день она услышала, как мы поем припев одного романса о том, что только озаренный любовью день прекрасен, и спросила нас, понимаем ли мы смысл этих слов. Последовали один за другим вопросы, из которых стало ясно, насколько мы слепы и далеки от жизни. Приобщением к светской жизни, конечно, я обязана ей. Она приезжала за мною, чтобы взять на свои вечера, на которые приглашали массу молодежи; в Михайловском дворце устраивались живые картины, в которых должна была принимать участие и я, и однажды меня пригласили на несколько часов на Елагин остров. Там я произвела, как мне потом говорили, впечатление вспугнутой лани. В фейерверке игривых слов, галантных шуток и ничего не значащей болтовни, как это принято молодежью в обществе, я чувствовала себя вначале потерянной. Это была атмосфера, полная магнетической силы, свойственной молодежи, и в конце концов и я подпала под ее влияние. Я поймала на себе взгляд, который уже сопровождал меня в обществе тети Елены. Прежде чем я успела что-то понять, этот взгляд уже заглянул в мою душу. Я не могу передать того, что я пережила тогда: сначала испуг, потом удовлетворение и, наконец, радость и веселье. По дороге домой я была очень разговорчива и необычайно откровенна и рассказала Анне Алексеевне обо всех моих впечатлениях. Она стала моей поверенной, и ни одного чувства я не скрала от нее. Я вспоминаю еще сегодня, как она спросила меня: «Нравится он вам?» – «Я не знаю, – ответила я, – но я нравлюсь ему». – «Что же это значит?» – «Мне это доставляет удовольствие». – «Знаете ли вы, что это ведет к кокетству и что это значит?» – «Нет». – «Из кокетства развивается интерес, из последнего внимание и чувство, с чувством же вся будущность может пошатнуться; вы знаете прекрасно, что замужество с неравным для вас невозможно. Если же вам подобное „доставляет удовольствие“, то это опасное удовольствие, которое не может хорошо кончиться. О вас начнут сплетничать, репутация молодой девушки в вашем положении очень чувствительна; не преминут задеть насмешкой и того, кто стоит над вами. Помните это всегда!»

Москва в середине XIX века

Несколько дней спустя пришло письмо от Саши, которого я так любила и мнение которого для меня значило все. Это письмо оказалось значительным для всей моей последующей жизни, если бы события и повернулись иначе, чем я тогда могла думать. Саша совершенно поправился и, покинув Италию, проводил весну в Вене. Эрцгерцоги Альбрехт, Карл Фердинанд и Стефан, которые были с ним одного возраста, сейчас же подружились со своим гостем. Стефана же, сына венгерского палатина эрцгерцога Иосифа, женатого первым браком на покойной сестре Папá, он любил особенно. Стефан выделялся своими способностями, что предсказывало ему блестящую будущность. Он любил Венгрию и по-венгерски говорил так же свободно, как по-немецки, и в Будапеште в нем видели наследника его отца. Саша, исполненный братской любви ко мне, написал родителям, что Стефан достойнее меня, чем великолепный Макс (кронпринц Баварский, никому в нашей семье не понравившийся). Стефан был приглашен на свадьбу Мэри, назначенную летом, и это приглашение Веной было принято. Я же считала себя уже невестой. Слово, данное мною в глубине сердца совершенно неведомому мне Стефану, уберегло меня от всевозможных неожиданностей чувства. Я придерживалась этого немого обещания до того дня, как встретила с Карлом³¹ и мое сердце заговорило для него. Но до этого дня еще далеко.

* * *

В конце августа мы уехали в Варшаву; 3 сентября под проливным дождем прибыли с Мари³² в Царское Село (в народном толковании это значит: богатая жизнь); 8 сентября был въезд в Петербург в сияющий солнечный день. Мама́, Мари, Адени и я ехали в золотой карете с восемью зеркальными стеклами, все в русских платьях, мы, сестры, в розовом с

³¹ Карл I (1823–1891) – кронпринц, а затем король Вюртембергский, супруг великой княгини Ольги Николаевны с 1 (13) июля 1846 года.

³² Принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, приехала в Россию в 1840 году, приняла в православии имя Марии Александровны. Супруга цесаревича, а затем императора Александра II. «Гувернантка». Художник – Ричард Редгрейв. 1844 г.

серебром. От Чесменской богадельни до Зимнего дворца стояли войска, начиная с инвалидов и кончая кадетами у Александровской колонны. На ступеньках лестницы, ведущей из Большого двора во дворец, стояли по обеим сторонам дворцовые гренадеры. Мы вышли на балкон, чтобы народ мог видеть невесту, затем были церковные службы в храме, молебен и, наконец, большой прием при Дворе. Все городские дамы и их мужья, как и купцы с женами, имели право быть представленными невесте. Все залы были поэтому переполнены.

Для Мари были устроены апартаменты в Зимнем дворце подле моих, красивые, уютные, хотя и расположенные на северной стороне. Осень мы проводили в Царском Селе. Мари учила Закон Божий и русский у Анны Алексеевны, которая сумела не только передать своей ученице прекрасное произношение, но вместе с любовью к языку внушить ей и любовь к народу, которому она теперь принадлежала. Потом говорили, что после императрицы Елизаветы Алексеевны³³ ни одна немецкая принцесса не владела так хорошо нашим языком и не знала так нашу литературу, как знала Мари. Мама много читала по-русски, главным образом стихотворения, но говорить ей было гораздо труднее. В семье мы, четверо старших, говорили между собой, а также с родителями всегда по-французски. Младшие же три брата³⁴, напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папá, которое постепенно вытесняло все иностранное, до тех пор господствовавшее в России.

5 декабря в церкви Зимнего дворца была пышно отпразднована церемония перехода Мари в лоно православия. С необычайной серьезностью, как все, что она делала, она готовилась к этому дню. Она не только приняла внешнюю форму веры, но старалась вникнуть в правоту этой веры и постигнуть смысл слов, которые она читала всенародно перед дверьми церкви, в лоно которой должна была вступить. Первые слова «Верую» она произнесла робко и тихо, но по мере того, как она дальше произносила слова молитвы, ее голос креп и звучал увереннее. Во время Таинства подле нее стояла ее восприемница мать Мария, игуменья Бородинской обители, высокая, аскетичная, вся в черном, подле нее особенно трогательной казалась Мари, в белом одеянии, в локонах вокруг головы, украшенная только крестильным крестом на розовой ленте, который надел на нее митрополит после того, как лоб девушки был помазан миром. После Причастия лицо Марии светилось радостью. Во время молебна ее имя было впервые помянуто как имя православной. На следующий день была отпразднована помолвка и в соответствующем манифесте она названа великой княгиней Марией Александровной. Поздравления и пожелания жениху и невесте, приносимые духовенством, Советом, Сенатом, всем Двором, городскими дамами с мужьями и, наконец, корпусом офицеров, длились часами. Важен был прием дипломатического корпуса, назначенный на следующий день, так как от донесений и впечатлении представителей всех стран своим Дворам зависела репутация юной великой княгини.

Ум, спокойная уверенность и скромность в том высоком положении, которое выпало на ее долю, вызвали всеобщее поклонение. Папá с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари владеть собой. Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило. В самом деле, Мари оправдала все надежды, которые возлагал на нее Папá, главным образом потому, что никогда не уклонялась ни от каких трудностей и свои личные интересы ставила после интересов страны. Ее любовь к Саше носила отпечаток материнской любви, заботливой и покровительственной, в то время как Саша, как ребенок, относился к ней по-детски доверчиво. Он калялся перед нею в своих маленьких шалостях, в своих увлечениях – и она принимала все с пониманием, без огорчения. Союз, соединявший их, был сильнее всякой чувственности.

³³ Елизавета Алексеевна (урожденная Луиза Мария Августа Баденская) – супруга Александра I.

³⁴ Великие князья Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

Их заботы о детях и их воспитании, вопросы государства, необходимость реформ, политика по отношению других стран поглощали их интересы. Они вместе читали все письма, которые приходили из России и из-за границы. Ее влияние на него было несомненно и благотворно. Саша отвечал всеми лучшими качествами своей натуры, всей привязанностью, на какую только был способен. Как возросла его популярность благодаря Мари! Они умели не выпячивать свою личность и быть человечными, что редко встречается у правителей. Как обожали Сашу в кадетских корпусах и в гвардии, которой он командовал после дяди Михаила! У него была замечательная память на фамилии и лица, и он мог много лет спустя, встретившись с кем-нибудь, назвать его по фамилии или отнести к нему как к товарищу, что доставляло иногда больше радости, чем всякая награда.

* * *

Весной этого года в Петербург переехала для воспитания своих сыновей лучшая подруга Анны Алексеевны. Это была госпожа Шульц, урожденная Шипова. Я очень любила ее, особенно за то, что она долго жила в деревне и прекрасно знала русских крестьян и условия их жизни. Она заботилась главным образом о судьбе деревенских священников, часто очень бедных и к тому же еще неудачно женатых. Они были обязаны жениться на девушках своей среды, таких же бедных и безо всякого образования, так что не годились в помощники своему мужу. Если же они посещали какое-нибудь учебное заведение, то становились излишне требовательными и отчуждались от своей среды. Потребность в школе только для дочерей священников стала необходимостью. Я попросила госпожу Шульц сделать письменно несколько заметок по этому поводу и передала их Мамá, которая мне посоветовала обратиться к Папá. Он сейчас же понял необходимость учреждения таких школ и велел мне обратиться к графу Протасову, который был прокурором Святейшего Синода. Было решено, что эти школы будут содержаться на средства, поступающие от продажи свечей в церквах. 9 мая, в день Св. Николая Мирликийского, Папá подписал этот указ. Осенью должна была открыться первая школа в Царском Селе. Мое сердечное желание исполнилось: наконец-то я смогла, хотя и очень скромным делом, оказаться полезной своей стране³⁵.

Нашли маленький дом в Царском Селе, который принадлежал бывшему камердинеру Папá, жившему на пенсии. Его немного перестроили, и школа была открыта для двадцати пансионеров. Через два года она увеличилась на двадцать учениц, покуда их не стало шестьдесят. Тогда их разделили на три класса, и они должны были учиться шесть лет. Вторая такая школа для дочерей священников была открыта позднее в Ярославле. Госпожа Шульц стала во главе школы. В течение 34 лет она выпустила 900 молодых девушек, посланных в отдаленные уголки России, и все они были тщательно подготовлены к своему будущему положению. Я часто посещала школу, знала всех учениц по имени и могла следить за их успехами и ростом их зрелости. Госпожа Шульц, так же как и ее сестра Елизавета, заведовавшая школой в Ярославле, оправдали все возложенные на них надежды.

³⁵ Женские епархиальные училища, созданные по Уставу 1843 года, находились в ведении Св. Синода и были предназначены в основном для дочерей лиц духовного звания. В 1896 году существовало 51 женское епархиальное училище. Об участии Ольги Николаевны в их организации см.: Переписка Великой княгини Ольги Николаевны с высокопреосвященнейшим Филаретом, митрополитом Московским // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. № 10. С. 1–6. См. также: Епархиалки. Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

* * *

Проснувшись в день Нового года, я увидела перед моей постелью ковер, затканый розами. Его приготовила для меня Анна Алексеевна. Только по цветам должны были ходить мои ноги в этом году, так желало мне это любящее сердце. После обеда мы завтракали в саду и там же принимали новогодние поздравления. Потом на прогулке мы спустились вниз к гавани и увидели, как к красивой церкви Мария де Катена³⁶ причалила шлюпка. Из нее вышли лакеи в ливреях с чемоданами и пальто в руках. Кто был неожиданным гостем? Может быть, он?

Возвратившись домой, мы узнали, что почтовый пароход Неаполь – Палермо, который должен был привезти нам весть, что приезжает Вюртембергский кронпринц, опоздал из-за непогоды на двенадцать часов, из-за чего принц прибыл одновременно с письмом, извещавшим о его визите. Тотчас Кости был отправлен в отель, где остановился гость, чтобы приветствовать его и привезти к нам.

Я была готова с переодеванием еще раньше, чем Мамá. В белом парадном платье с кружевами и розовой вышивкой, с косой, заколотой наверх эмалевыми шпильками, прежде чем войти, я подождала минуту перед дверью в приемную. Два голоса слышались за ней: молодой, звонкий голос Кости и другой, мужской, низкий. Что-то неопишное произошло в тот миг, как я услышала этот голос: я почувствовала и узнала: это он! Несмотря на то, что мое сердце готово было разорваться, я вошла спокойно и без смущения. Он взял мою руку, поцеловал ее и сказал медленно и внятно, голосом, который я тотчас же полюбила за его мягкость: «Мои родители поручили мне передать вам их сердечнейший привет», при этом его глаза смотрели на меня внимательно, точно изучая.

Вечером за столом были только самые близкие. Он был скорее застенчив, мало говорил, но то немногое, что он сказал, было без позы и совершенно естественно. При этом он ел с аппетитом, что не согласуется с законом, говорящим о том, что влюбленный не может есть в присутствии дамы своего сердца. Это обстоятельство было также замечено и отмечено нашим окружением. Перед тем как идти спать, я сказала Анне Алексеевне: «Очень прошу вас: ни слова о сегодняшнем дне; я не буду в состоянии что-нибудь сказать вам об этом раньше чем, по крайней мере, через неделю».

Прошло четыре дня. Я познакомилась с его свитой, со старым графом Шпитценбергом, адъютантом фон Берлихингеном, врачом Хардеггом и секретарем Хаклендером. Мы гуляли, а по вечерам весело играли в разные игры, но пока еще не нашли случая для разговора с глазу на глаз – наше общество было слишком мало для того, чтобы можно было уединиться. 5 января, в сияющий солнечный день, Мамá предложила нам поездку на Монреаль³⁷. Мы шли пешком по горной дороге вверх, я опиралась на руку Кости. Он с Мамá позади нас. Солнце было близко к закату, и окружающие горы ясно обрисовывались на вечернем небе: темно-синие, в розовом освещении, которое, казалось, заливало весь край, лежавший у наших ног. Простыми, сердечными словами он говорил Мамá о том, как счастлив видеть такую красоту. Когда я слушала его голос, во мне развивалось и углублялось чувство доверия, которое я испытала к нему в момент первой встречи.

На следующий день было Крещение (в России оно празднуется по старому календарю и связано с водосвятием), и я жарко молилась, чтобы Господь вразумил меня и указал, как мне поступить. Я встретила с кронпринцем после службы в комнате Мамá. По ее предло-

³⁶ В то время императорская семья отдыхала в Италии, в Палермо.

³⁷ Монреале (Monreale) – южный пригород Палермо, расположен в живописной горной местности. Знаменит своим собором XII века.

жению мы спустились вниз, в сад. Не помню, как долго мы бродили по отдаленным дорожкам и о чем говорили. Когда снова мы приблизились к дому, подошла молодая крестьянка и с лукавой улыбкой предложила Карлу букетик фиалок «пер ла Донна»³⁸. Он подал мне букет, наши руки встретились. Он пожал мою, я задержала свою в его руке, нежной и горячей.

Праздник Крещения Господня в дореволюционной России

Когда у дома к нам приблизилась Мама́, Карл сейчас же спросил ее: «Смею я написать государю?» – «Как? Так быстро?» – воскликнула она и с поздравлениями и благословениями заключила нас в свои объятия.

Анна Алексеевна была первой, кого мы посвятили в случившееся. Она после первой же встречи поняла, что происходило в моем сердце. Я знала и чувствовала, что все хорошее во мне должно было пробудиться теперь, когда я любила и была любимой, и я молилась о том, чтобы Господь сделал меня достойной Карла.

Со всех сторон посыпались поздравления, – в России слуги принимают участие в семейных событиях, как нигде в другой стране, – я была тронута их радостью, они целовали мне руку, а моему жениху плечо. День прошел за писанием писем; было решено объявить помолвку, как только придет письмо Папа́ из Петербурга. Кости, который увлекался теперь всем античным, сравнил меня с Пенелопой и ее женихами. «Ну, – говорил он, – наконец появился и Улисс (Одиссей)!»³⁹.

Как он выглядел? Выше среднего роста, он был выше меня на полголовы. Глаза карие, волосы каштановые, красиво обрамляющие лоб и виски, губы полные, выгнутые, улыбка заразительная. Руки, ноги, вся фигура была безупречна. Таким я вижу его перед собой, с одной только ошибкой: он был на шесть месяцев моложе меня. О, какое счастье любить!

Прошли три безоблачных дня, на четвертый письмо из Штутгарта омрачило нашу радость. С поздравлениями о помолвке пришло известие о том, что король Вильгельм (отец Карла) заболел. Старый Шпитценберг⁴⁰ считал, что надо сейчас же возвращаться; но Мей-

³⁸ Для госпожи (*ut.*).

³⁹ Константин намекает на несколько помолвок сестры, не состоявшихся из-за различных политических осложнений.

⁴⁰ Видимо, один из приближенных кронпринца. Род фон Шпитценбергов относился к знатнейшему Вюртембергскому дворянству и находился отдаленном родстве с герцогами Вюртембергскими.

ендорф⁴¹ сумел убедить его, что даже в том случае, если надо ожидать конца, они не смогут приехать вовремя и лучше поэтому оставаться и ждать дальнейших вестей. Зачем разлучать нас в эти первые дни счастья, которые никогда не повторятся?

Таким образом, нас ожидало еще несколько счастливых дней и первое совместное празднество – на корабле «Ингерманланд» в нашу честь давался бал. Палуба была украшена шатрами из флагов всех стран, играл военный оркестр, и первый танец я танцевала с Карлом. По его просьбе я надела платье, которое было на мне в день помолвки: фиолетовое с жакеткой с жемчужными пуговицами. Я упоминаю эти мелочи, оттого что, когда любишь, каждой мелочи придаешь значение.

Однажды, когда Мама привела его ко мне наверх, в мою красивую комнатку, он остановился на пороге и поцеловал меня в лоб. С тех пор моя комнатка казалась мне освященной. Идти с ним под руку или, прижавшись головой к его коленям, сидеть у его ног и слушать, как он повторяет: «Оли, я люблю тебя», – все это поднимало меня на небеса. Для невесты дни проходят, как один-единственный сон; она живет в привычной обстановке своего окружения, но поднятая высоко надо всем своей любовью и душевным озарением. Для жениха, конечно, это время более смелых желаний и надежд.

Наш сон продолжался неполные десять дней. Врачи из Штутгарта написали, что непосредственная опасность устранена, но в возрасте короля (ему было шестьдесят четыре года) поправка идет медленно и поэтому было бы желательно, чтобы кронпринц вернулся. В момент, когда звал долг, колебаний уже не было. 16 января он еще раз пришел к любимому нами часу завтрака, мы сошли с ним в сад и обошли все любимые дорожки вдоль стены, которая была покрыта цветущими розами и малиновыми бугенвиллеями. В последний раз мы вместе вдыхали аромат, в котором пробудилась наша любовь. Наконец настал час разлуки, тем более жестокой, что мы не смели писать друг другу, не имея ответа из Петербурга. Две недели нужно было, чтобы письмо дошло в Петербург, и столько же обратно; целый месяц мучительного ожидания стоял перед нами. Из Генуи мы получили несколько строк, написанных его рукой и адресованных Мейендорфу. Затем больше ничего до 5 февраля...

* * *

Что мне еще сказать об этих последних неделях в Палермо? Только половина моего существа была еще там. Мейендорф, который жил некоторое время в Штутгарте, рассказывал мне о городе и стране, которая должна была стать моей новой родиной. Он дал мне книги Уланда, Гауфа и Шваба для чтения и назвал ученых страны. Скоро прибыли письма от короля, – он писал очень сдержанно, – от будущих невесток Мари и Софи, которые писали «дорогая кузина», и от королевы, которая просто и любовно писала мне: «Ты, дорогая дочь». Письмо Карла прибыло, благодаря несчастливому случаю, последним. С момента, как оно было в моих руках, я стала регулярно вести дневник и посылать каждую неделю ему эти листки. Он делал то же самое, и еще теперь, после 36 лет брака, мы придерживаемся этого обычая. Мой ответ королю был написан с помощью Мейендорфа, который, зная его характер, взвешивал каждое слово. В ответном письме моей свекрови еще непривычный мне немецкий язык также заставил меня хорошенько подумать.

Наше пребывание в Палермо подходило к концу. Цель поездки была достигнута. Мама поправилась так, как давно этого уже не было: она прибавила в весе, плечи и руки стали такими полными, что она снова могла показаться с короткими рукавами. Ее веселость росла вместе с силами, которые позволяли ей снова вести ее обычную деятельность. Как я была

⁴¹ Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863) – русский дипломат, действительный тайный советник.

счастлива быть при ней, как я наслаждалась каждым моментом, когда она еще принадлежала мне!

Весенним днем, – розы и апельсиновые деревья стояли в полном цвету, – мы распрощались с Палермо. Утром я в последний раз стояла у открытого окна, долго смотрела на море, на Монте-Пеллегрино, а затем закрыла глаза, чтобы впитать эту картину.

Улица, ведущая к гавани, была покрыта народом, когда мы по ней спускались. Люди махали с крыш и балконов и показывали таким образом, как они любили Мамá, у которой всегда была «широкая рука» для бедных; она была ласкова с детьми и исполнена приветливости к каждому. Со всех сторон слышались прощальные приветствия: «Адио, ностра Императриче!». Тысячи маленьких лодок, шлюпок и пароходиков крутились в гавани, и люди с них долго кричали нам вслед благодарные пожелания. Мы были глубоко тронуты таким сердечным участием чужого нам народа.

В Неаполе был официальный прием Двора. Нас встретили пушечным салютом. Король Фердинанд II с братьями и большой свитой стоял в гавани в парадной форме. Королева встретила нас в замке; это была бывшая эрцгерцогиня Тереза, которая когда-то, будучи девушкой, пленила мое детское сердце в Теплице и Праге. Какая перемена с тех пор! Под влиянием строгого духовника из веселой, любезной девушки она сделалась безжизненной, куклоподобной ханжой. Рассказывали, что этот духовник каждый вечер благословлял супружеское ложе перед тем, как они ложились на него. Королева была крайне озабочена доброй моралью в балете, театрах и моде. Так, она предписывала зеленые трико вместо розовых, картины, на которых были видны большие декольте у дам, по распоряжению цензуры покрывались черной вуалью до подбородка. С церковных кафедр порицали бесстыдную моду, которая обнажает грудь и руки и только черта тешит. Указывали на закутанную одежду королеву, которая должна была служить примером для каждой женщины страны.

Меня королева встретила как чужую. Она не протянула мне руки и не говорила мне «ты», как прежде. Король, который знал о нашем старинном знакомстве, пригласил меня, по своему добродушию, после службы в церкви в интимные покои семьи; там, среди своих шести детей, которые доверчиво со мной играли, королева немного смягчила свою сухость. С легким сердцем я оставила этот Двор в его неподвижности.

Неаполь мы покинули на пароходе и после восьмичасового путешествия прибыли в Ливорно. Там нас встретил русский консул и проводил в отель, где нам сейчас же вручили два письма. Одно извещало Мамá о смерти ее горячо любимой тети Марьянны. Это было ужасным для нее ударом. Другое же, – прости мне, Боже, мою радость в такую минуту, – принесло мне неожиданную весть, что мой Карл на следующий день прибудет в Ливорно.

Во время дальнейшего путешествия мы проехали мимо Пизы, мимо кривой башни Кампо-Санто, но я едва смотрела на все это – мой Карл был со мной, и я видела только его. Во Флоренции он жил в том же отеле, что и мы. Отель этот стоял на берегу Арно, против палаццо Липона (собственность бывшей королевы Каролины Мюрат), его сад спускался к самому берегу, и наш балкон отражался в воде. Весна во Флоренции, ее цветение, ее сияющие дни приносили радость за радостью. Наши комнаты были заполнены цветами, и на торжественные вечера великогерцогского Двора в Тоскане я украшала себя живыми цветами. Герцогиня, вторая жена великого герцога Леопольда и сестра короля Неаполитанского, была замечательной женщиной. Она жила только для своего мужа и детей, в почти обывательском счастье. Замечательные сокровища искусства, которые окружали ее и заполняли ее каждодневную жизнь, представляли с этим разительный контраст.

Над постелью герцогини висела Мадонна дель Грандича Рафаэля, на столе во время торжественных приемов лежали ножи, вилки и ложки, а также стояли сосуды из мастерской Бенвенуто Челлини. Когда подымались из-за стола, то шли в салоны галереи Питти, самой прекрасной в Италии, картины которой собирались в течение веков любящими искус-

ство владетелями страны, а основоположниками были Медичи. Я прекрасно запомнила поездку в Поджио-а-Чаяно, загородный дворец Лоренцо Великолепного, примерно в двух часах езды от Флоренции. Серебряный свет Тосканы разливается над зелеными холмами в долину Омброне, восточного притока Арно. Сам замок стоит высоко над берегом реки, смотрит на зеленые купы деревьев, и над ним господствует божественная тишина. Там, у наших любезных хозяев, я впервые поняла тихую радость этого цветущего уголка, который так хорошо управляется, обложен минимальными налогами, и народ с доверчивостью смотрит на своего государя, совсем по-другому, чем в Неаполе-Сицилии, где его подавляют, угнетают налогами и где царит произвол. Здесь все дышало миром, доверием и прочностью. И все же три года спустя здесь была революция, и семья властелина бежала в изгнание.

Я не буду описывать наши посещения церквей, дворцов и монастырей Флоренции, они все очень хорошо известны, я же сама в то время была еще незрелой и неуверенной в том новом, что мне встречалось, чтобы дать направление моему вкусу. Карл провел целую зиму во Флоренции, благодаря чему его вкусы и взгляды были уже увереннее, он любил предшественников Рафаэля и привел меня к картинам Фра Анджелико, чтобы я тоже полюбила их. Я смотрела на все его глазами и слушала его в упоении; но предстоящая большая перемена в моей жизни слишком занимала меня, чтобы у меня сохранились ясные воспоминания и впечатления. Тогда мне казалось более важным и значительным узнать характер и натуру Карла. Его детство не было счастливым: Родители жили безо всякой внутренней гармонии между собой. Он вырос одиноким, и его потребность в ласке была очень велика. Он любил разговаривать со мной во время прогулок в саду, по берегу Арно. Когда я сидела в комнате с работой в руках, он быстро становился нетерпеливым; это напоминало ему совместные семейные вечера дома, где мать и сестры молча сидели за своей работой, дрожа заранее от придинок короля. Когда он узнал, что день моего рождения по заграничному исчислению приходится на 11 сентября, он воскликнул: «О, он лежит как раз между днями рождений моих родителей! Это может означать, что тебе суждено стать соединяющим звеном между обоими». Он разгадал мою натуру и указал мне таким образом направление моего пути.

21 апреля мы покинули Флоренцию и ехали короткими дневными этапами через Болонью и Падую в Венецию. Там мы провели еще целую неделю, и там же было решено, что наша свадьба состоится 1 июля. Доктор Мандт считал, что здоровье Мамá настолько окрепло, что ей незачем ехать в Бад-Эмс или Шлангенбад, а можно возвращаться прямо в Петербург. Перед этим была еще намечена встреча в Зальцбурге с королем и королевой Вюртембергскими. Во время поездки по Ломбардии погода изменилась, начал идти дождь, а когда мы прибыли в Триест, поднялась сильнейшая гроза. В несколько часов ручьи, стекавшие с гор, залили дорогу, и мы не могли проехать дальше. Генерал Врбна, сопровождавший нас через Австрию, поехал вперед, чтобы устроить нам квартиры. Когда он узнал о наводнении, то пересел из экипажа в лодку, чтобы возвратиться к нам. Мы должны были три дня ожидать в Триесте. Источник многих неприятностей для путешественников, это наводнение только радовало нас, жениха и невесту, и на каждое приключение мы смотрели как на приятное развлечение. Каждое утро во время завтрака Карл читал нам «Лихтенштейна» Гауфа⁴², и каждый вечер мы шли в театр, примыкавший непосредственно ко двору нашего отеля. Деревенская публика ела в антрактах апельсины и бросала их корки тут же на пол. Актеры, не менее естественные, чем публика, вызывали у нас своей игрой гомерический хохот.

⁴² Исторический роман Вильгельма Гауфа, посвященный истории Вюртемберга XVI века.

Портрет Ольги Николаевны Романовой.
Художник – Франц Винтерхальтер. 1856 г.

«Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в

глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным, но который внушает опасение врачам».
(Фридрих Гагерн)

Суровым показался мне въезд в горы Тироля. Синева Сицилии, серебряный отсвет Тосканы, были ли они наяву? Было ли счастье только сном, а действительность пробуждением, которое разгоняло его? Холод проник в мое сердце. Первую ночь в горах мы провели в монастыре Св. Иоанна, окруженном со всех сторон горами, безо всякого вида на окрестности, а над нами возвышались снежные вершины, освещенные заходящим солнцем. Последние лучи окрасили их розовым пламенем. Красиво, но какой тоской повеяло на меня от этого впервые виденного горения Альп. Момент блеска, триумфа – затем молчание, ночь навеки. Горы и мрачные леса давили на мое сердце, и от этого впечатления я не избавилась на всю жизнь. Дитя равнины, я ношу в себе желание видеть большие пространства; море, зеркало дальних вод дает мне радость и легкое дыхание.

В Зальцбург мы прибыли около полудня. Мама, боясь натянутости официального представления, решила импровизировать встречу с королем и королевой Вюртембергскими. Она приказала экипажу попросту остановиться у отеля, где жила королевская семья. Первая встреча произошла в полутьме вестибюля. Затем сели большим обществом за круглый стол. Я была так взволнована, что боялась задохнуться. Карл пожал мне руку, король смотрел на меня с любопытством своими поблекшими глазами. На следующий день этот взгляд стал более благосклонным. Он был недоволен неожиданностью встречи и винил Карла в том, что он не известил его о намерении Мама. Таким образом, его настроение не было блестящим. Милая, добрая королева, которая знала все выражения его лица, казалось, ожидала грозы и была совершенно сконфужена. Карл скоро вывел меня из этого круга в комнату своей младшей сестры Августы. Как раз в это время она стояла перед зеркалом и прикрепляла брошку к своему лифу. Карл схватил ее за плечи и быстро повернул, так что мы оказались лицом к лицу друг перед другом. Она вскрикнула от неожиданности и бросилась мне на шею. Я облегченно вздохнула – лед растаял.

На следующий день была чудесная погода, и мы поехали на прогулку. Мама с королевой и Августой, я с Карлом и королем в экипаже последнего. Манеры короля напоминали прошлое столетие, тон, которым он обращался ко мне, был скорее галантным, чем сердечным, его разговоры любезны, подчас даже захватывающи, но всегда такие, точно он говорил с какой-либо чужой принцессой, ни слова, могущего прозвучать сердечно или интимно, и ничего о нашем будущем. Казалось, он избегал всего, что могло вызвать атмосферу непринужденной сердечности. Такое поведение казалось мне, с детства привыкшей к свободе и откровенности, совершенно непонятным, и мое сердце сжималось от мысли, что мне придется жить под одним кровом с человеком, который был мне непонятен и чужд. И все же как государь, самый старший среди немецких князей, он считался самым способным. Он был просвещенных либеральных взглядов и дал своей стране конституцию задолго до того, как она была принята в других странах. Он правил страной тридцать лет, и это было счастливым для нее периодом. Все это я уже знала до встречи с ним и старалась теперь думать об атом, чтобы увеличить хотя бы мое уважение к нему, раз сердце для него молчало. И это уважение стало почвой для всех моих последующих с ним отношений. Я ему обязана многим, он научил меня выражаться точно и вдумчиво, что было необходимо, например, при передаче ему моих бесед с нашим послом в Штутгарте Горчаковым, для которого я служила как бы рупором в его сношениях с королем.

Но вернемся в Зальцбург. Королева расспрашивала обо мне Анну Алексеевну и обещала ей, что будет относиться ко мне как к своей дочери. Она сдержала свое слово и относилась ко мне всегда с большой добротой, несмотря на все старания, которые делались, чтобы поссорить нас. Ее лицо носило следы былой красоты, щеки были розовыми и свежими, и

когда она улыбалась, были видны два ряда белоснежных безупречных зубов, которые она сохранила до глубокой старости. Ее волосы в то время тоже были еще совсем темными. Но фигура у нее была тяжеловатой, без грации и гибкости, хотя вся внешность ее не была лишена спокойной величавости. Разговоры на балах и приемах она вела несколько однообразные и не скрывала равнодушия к своим собеседникам. Распорядок дня ее был строго урегулирован, она боялась движений и перемен и была бы для человека с обывательскими привычками идеальной женой. Она была полной противоположностью второй жены короля Вильгельма Вюртембергского, королевы Екатерины Павловны⁴³, сестры Папá, женщины во всех отношениях недюжинной, что невольно раздражало короля, и он часто бывал несправедлив и придирался к ней. Она же, будучи по природе безобидной и доброй, не могла играть никакой роли в политике. Она была прекрасной рукодельницей, но совсем не могла отражать насмешек или понимать иронию и сейчас же, как улитка, уходила в свой домик, откуда потом с трудом выбиралась. Ко мне она относилась прекрасно, и я не могу себе представить лучшую свекровь. Она никогда не вмешивалась в нашу жизнь и порядок нашего Двора. Она не знала ревности и не ставила никаких требований. Мне она была благодарна за каждую мелочь и внимание, которое я ей оказывала.

* * *

25 июня была торжественная помолвка в петергофской церкви, а свадьба была назначена на 1 июля, день рождения Мама́ и одновременно день свадьбы родителей. Это число должно было принести нам счастье! Последние дни перед этим торжественным днем были заполнены суетой. Я проводила их в примерках платьев, в выборе и раздаче сувениров и подарков, в упаковке и прощальных аудиенциях, я не принадлежала больше самой себе. С трудом мне удалось выбрать день для поста и молитвы, чтобы пойти к исповеди и причаститься в церкви Св. Петра и Павла 29 июня. Там я просила Господа только об одном: сделать меня достойной того, с кем я буду делить свою жизнь и выполнять обязанности, которые ждали меня. Родители и братья были в церкви при этом моем последнем Причастии девушкой и, конечно, также и Карл, присутствие которого еще больше углубило мое благоговение. В моей комнате Карл встретился потом с моим духовником отцом Бажановым и попросил его объяснить ему обычаи нашей церкви. 30 июня, согласно своему обещанию присутствовать на моей свадьбе, прибыл дядя Вильгельм, принц Прусский. Наша дружба относилась еще к совместному пребыванию в Эмсе в 1840 году. Так же дружественно он относился и к Карлу; с 1840-го по 1842 год Карл учился в университете в Берлине и часто посещал то общество, которое собирала вокруг себя принцесса Августа. К ее кругу принадлежали в то время такие умы, как Ранке, Савиньи, Курциус и другие.

Когда я вечером 30 июня поднялась в последний раз в свою комнатку, я долго не могла заснуть. Я позвала Анну Алексеевну, и мы долго говорили на моем балконе.

После полуночи Папá постучался в мою дверь: «Как, вы все еще не спите?». Он обнял меня, мы вместе опустились на колени, чтобы помолиться, и потом он благословил меня. Как он был нежен ко мне! Какой бесконечной любовью звучали его слова! Потом он поблагодарил Анну Алексеевну за все, что она сделала для меня во время нашего десятилетнего

⁴³ Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819) – четвертая дочь Павла I Петровича и Марии Федоровны, прозванная «красой России», была в юности выдана замуж за Петра-Фридриха Ольденбургского, чтобы избежать сватовства со стороны Наполеона. После смерти первого мужа вышла замуж по страстной любви за короля Вильгельма Вюртембергского. Супруги были двоюродными братом и сестрой, будучи внуками Фридриха Евгения Вюртембергского, отца Марии Федоровны. Во втором браке прожила всего три года, умерла 9 января 1819 года от рожистого воспаления. У нее от Вильгельма Вюртембергского были две дочери. Карл – сын Вильгельма от третьего брака с Паулиной Вюртембергской.

совместного пребывания. В дверях он еще раз повернулся ко мне и сказал: «Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня Мамá!».

Наступил торжественный день. Уже рано утром нас разбудили трубачи под окнами. Я поспешила к Мамá, чтобы поздравить ее и передать мои подарки. Я подарила ей медальон с моей миниатюрой и маленький секретер из орехового дерева с сиреневым бархатом. Она пользовалась им до самой смерти и держала в нем свои частные бумаги; после ее смерти там нашли ее духовное завещание.

У Мамá собралась вся семья, не хватало только Карла, которого, по русскому обычаю, я не могла видеть в день своей свадьбы до церкви. Богослужение было назначено на утро, затем меня должны были одеть в Большом дворце в наряд невесты, и в час дня начинались свадебные церемонии. Утром я должна была подписать Отречение⁴⁴, как это полагается в нашем законе. Его подписывает каждая великая княжна перед своим браком. Затем Адлерберг, который в то время был министром Двора, поднес Анне Алексеевне розетку ордена Св. Екатерины. В Орлином салоне Большого дворца меня ждал наряд. Я действовала как в тумане, я не помню больше ничего до момента, как в салон вошел Карл и Папá сказал ему: «Дай ей руку!». Все вышли, мы опустились на колени перед иконой, которой нас благословили родители. Затем на мои плечи прикололи тяжелую великокняжескую мантию, которую несли восемь камергеров, но конец шлейфа подхватил мой гофмаршал граф Бобринский и, шепнув мне тихо: «С Богом!», отечески тепло посмотрел на меня. Шествие тронулось. Сначала шли камер-юнкеры, затем камергеры, за ними статские сановники и наконец обер-гофмаршал граф Шувалов, предшествовавший императорской чете и всему семейству. Прошли шестнадцать зал и галерей дворца. В церкви собрался весь дипломатический корпус. При входе Мамá обменяла наши обручальные кольца, которые мы носили уже с помолвки; после этого Папá подвел нас к алтарю. Чудесные песнопения нашей церкви точно созданы для того, чтобы пробудить в сердце чувства счастья и благодарной радости, и заставляют забыть всю грусть и заботы. Потом мне говорили, что редко видели невесту такой сияющей.

После православной свадьбы мы тем же порядком проследовали в лютеранскую часовню, которая была устроена в одной из дворцовых комнат. Мы стали на колени на скамейку, и пастор произнес короткую, но очень чувствительную речь. Принц Гогенлоэ-Эринген стоял, как представитель короля, подле нас.

Весь этот день, заполненный церемониями, казался мне бесконечным. Наконец вечером нас торжественно отвели в наши будущие апартаменты, где нас встретили Саша и Мари с хлебом-солью. Тяжелое серебряное парчовое платье, а также корону и ожерелье сняли с меня, и я надела легкое шелковое платье с кружевной мантильей, а также чепчик с розовыми лентами, оттого что теперь я была замужем!

* * *

Анна Алексеевна даже удостоилась упоминания в знаменитом биографическом словаре А. А. Половцова. Вот статья, посвященная ей.

⁴⁴ Отказ от прав на императорскую корону как со стороны самой Ольги, так и ее будущего потомства.

Окулова Анна Алексеевна

Окулова, Анна Алексеевна, камер-фрейлина Высочайшего Двора, по происхождению своему принадлежала к старинной дворянской фамилии. Она родилась 3 сентября 1794 года и была дочерью Алексея Матвеевича и Прасковьи Семеновны Окуловых. Ее родители – коренные москвичи – были в близких отношениях с лучшим московским обществом; в доме их часто бывал князь П. А. Вяземский, воспевший в своих стихах жену и одну из дочерей Окулова. А. А. Окулова получила воспитание в Смольном Институте в Петербурге. Далеко уже не в молодом возрасте, 6 декабря 1836 года, она была определена фрейлиной и воспитательницей к великой княгине Ольге Николаевне. Женщина недюжинного ума с французским воспитанием, но с чисто русской душой, Окулова на первых же порах заявила себя при Дворе яркой поборницей всего национального, русского и своей августейшей питомице старалась внушить любовь ко всему родному. Эту черту в характере Окуловой очень метко охарактеризовал П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту в 1841 году: «Окулова, – писал он, – старая русская барышня, да еще и москочка. Следовательно, она защищает на французском диалекте все русское, особенно язык, на котором не может сказать фразы без грамматической ошибки». Почти никогда не расставаясь с великой княжной, Окулова ездила с ней несколько раз за границу, неусыпно наблюдая за развитием и образованием своей питомицы. Окулова дружила с учителями, преимущественно профессорами, дававшими уроки великой княжне, – Плетневым, Шевыревым, а также и с поэтами Жуковским и кн. Вяземским. В 1845 году Анна Алексеевна сопровождала великую княжну Ольгу Николаевну за границу в Геную, а затем в Палермо. Закончив дело воспитания великой княжны, Окулова осталась при дворе в качестве фрейлины государыни. 26 августа 1856 года Окулова была пожалована в камер-фрейлины. Живя на покое в Зимнем дворце, она не переставала интересоваться всем окружающим и писала записки. Незначительная часть их напечатана в «Русском архиве»; записки эти более касаются ее воспитанницы и тогдашней придворной жизни, чем самой Окуловой, которая была вполне поглощена порученным ей делом, о чем свидетельствуют и ее мемуары. Окулова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины. Она скончалась 13 февраля 1861 года и была погребена на кладбище Донского монастыря в Москве.

* * *

О печальной участи Александры Николаевны было рассказано выше. Теперь осталось рассказать лишь о том, как сложились судьба двух оставшихся дочерей Николая.

Мария была общепризнанной красавицей, обладала непобедимым обаянием, держалась уверенно, умела настаивать на своем. Когда ей исполнилось 16 лет, она в свой день рождения попросила у отца особый подарок: позволить ей не покидать Россию. Николай вскоре сосватал ей принца Максимилиана Евгения Иосифа Наполеона Лейхтенбергского – сына вице-короля Италии Евгения Богарне и Амалии Августы, дочери короля Баварии. У Максимилиана была слава не только одного из красивейших мужчин в Европе, но и одного из самых просвещенных и образованных.

2 июня 1839 года в Зимнем дворце состоялась свадьба герцога Максимилиана Лейхтенбергского с Марией Николаевной. «Церемониал венчания по греческому обряду был продолжителен и величественен, – писал очевидец события, Астольф де Кюстин. – Герцог Лейхтенбергский – высокий, сильный, хорошо сложенный молодой человек; черты его лица вполне заурядны, глаза красивы, а рот чересчур велик, да к тому же неправильной формы; герцог строен, но в осанке его нет благородства; ему удастся скрыть природный недостаток изяще-

ства с помощью мундира, который ему очень идет, но делает его больше похожим на статного младшего лейтенанта, нежели на принца».

Портрет Максимилиана Лейхтенбергского.
Художник – Эдуард Гау. 1840-е гг.

Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне (1817–1852) – член русской императорской фамилии, 3-й герцог Лейхтенбергский, президент Императорской академии художеств (с 1843) и главноуправляющий Горным институтом

О том, что было дальше, рассказала великая княжна Ольга Николаевна: «Приданое Мэри было выставлено в трех залах Зимнего дворца: целые батареи фарфора, стекла,

серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов. От Макса она получила шесть рядов самого отборного жемчуга. Кроме этого приданого, Мэри получила от Папа дворец (который был освящен только в 1844 году) и прелестную усадьбу Сергиевское, лежавшую по Петергофскому шоссе и купленную у Нарышкиных».

Но далеко не все при дворе были в таком же восторге от этой свадьбы, как Ольга Николаевна. Анна Тютчева, в ту пору только ставшая фрейлиной, писала: «Это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей недоставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов. К несчастью, она была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне, красивого малого, кутилу и игрока, который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену... Не без неприятного изумления можно было открыть в ней наряду с блестящим умом и чрезвычайно художественными вкусами глупый и вульгарный цинизм».

Молодые поселились в новом дворце на Исаакиевской площади, срочно переделанном из здания Школы юнкеров и гвардейских прапорщиков. Перестройку Николай получил архитектору Андрею Ивановичу Штакеншнейдеру Вот как описывает этот дворец Анна Тютчева: «Я отравилась к великой княгине Марии Николаевне, которой была обязана своим назначением ко двору. Я застала ее в роскошном зимнем саду, окруженной экзотическими растениями, фонтанами, водопадами и птицами, настоящим миражем весны среди январских морозов. Дворец великой княгини Марии Николаевны был поистине волшебным замком благодаря щедрости императора Николая к своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини, сумевшей подчинить богатство и роскошь, которыми она была окружена, разнообразию своего художественного воображения».

А вот писатель Владимир Соллогуб, считал эту пару достойной всяческих похвал. «Герцог Лейхтенбергский был не только одним из красивейших мужчин в Европе, но также одним из просвещенных и образованнейших принцев, – писал он. – Он всегда относился ко мне с самою благосклонною дружбой, и я могу сказать, что мне не приходилось встретить человека с таким обширным и тонким чутьем всего благородного и прекрасного. Супруга герцога Лейхтенбергского великая княжна Мария Николаевна хотя гораздо ниже ростом, чем августейшая ее сестра, ныне королева Вюртембергская, была тем не менее красоты замечательной. Она более всех детей походила лицом на своего царственного родителя Николая Павловича. Одаренная умом замечательным и необыкновенно тонким пониманием в живописи и скульптуре, она много содействовала процветанию родного искусства. В ее роскошном дворце строгий этикет соблюдался только во время балов и официальных приемов; в остальное же время великая княгиня являлась скорее радушной хозяйкой, остроумной и благосклонной, в среде лиц, наиболее ей приближенных, а также талантливых артистов, всегда имевших к ней доступ и находивших в ней просвещенную покровительницу».

У Марии и Максимилиана было семеро детей: три дочери и четыре сына. Старшая дочь, Александра, умерла в детстве. Остальные девочки – Мария (которую в семье звали принцесса Маруся) и Евгения – получили титулы княжон Романовских и позже вышли замуж за немецких принцев. Сыновья Николай, Евгений, Сергей и Георгий – герцоги Лейхтенбергские – женились на русских дворянках. «Мэри была идеальной матерью, – вспоминает Ольга Николаевна, – нежная, исполненная заботы и очень ловкая. Она не только сумела

добиться от своих детей послушания – они любили ее и уважали, и ее авторитет все увеличивался с годами. Ее дети были для нее также оплотом и защитой от всех жизненных разочарований, вытекавших из непостоянства ее натуры. Как я любила потом прелестную картину, когда она в детской, окруженная всей своей румянощекой детворой, с новорожденным на руках, сидела с ними на полу».

Максимилиан умер совсем молодым, в возрасте всего 35 лет. Через год Мария Николаевна тайно обвенчалась в церкви Мариинского дворца с графом Григорием Александровичем Строгановым. Анна Тютчева записала в своем дневнике: «Мне кажется, однако, что, несмотря на сплетни, которые она вызывала, цинизм ее проявлялся скорее в словах и манерах, чем в поведении. Доказательством служит настойчивость, с которой она стремилась урегулировать браком свои отношения к гр. Строганову, с которым она тайно повенчалась тотчас после смерти герцога Лейхтенбергского, хотя этот брак подвергал ее настоящей опасности, если бы он стал известен ее отцу. Император Николай имел достаточно высокое представление о своем самодержавии, чтобы в подобном случае насильственно расторгнуть брак, послать гр. Строганова на верную смерть на Кавказ и заточить свою дочь в монастырь. К счастью, он никогда не подозревал о событии, которое навсегда оттолкнуло бы его не только от любимой дочери, но также и от наследника и наследницы, которые содействовали этому браку».

О свадьбе стало известно только после смерти Николая I. Анна Тютчева пишет по этому поводу: «Говорят также много о браке великой княгини Марии Николаевны и уверяют, что он скоро будет объявлен. Будет очень досадно, если эти слухи оправдаются: это произведет дурное впечатление. Говорят, что Строганов объявил, что никогда не вернется в Петербург, если его положение не будет оформлено, что ему надоело видаться со своей женой по спартанской манере. Тем не менее я надеюсь, что в этом случае государь не уступит».

Во втором браке у Марии Николаевны было двое детей, но до совершеннолетия дождалась только дочь Елена. Мария Николаевна с детьми долго жили в Италии, на вилле близ Флоренции. Но умерла она в Петербурге 21 февраля 1876 года, в возрасте 56 лет.

* * *

К несчастью, брак младшей сестры Марии Ольги Николаевны оказался неудачным. Супруги не ладили, дети так и не родились. В 1863 году Ольга Николаевна удочерила свою племянницу Веру, дочь великого князя Константина Николаевича.

В 1864 году умер король Вильгельм I, трон наследовал Карл I, и Ольга Николаевна стала королевой Вюртемберга. Она нашла утешение в благотворительной деятельности: организовала Попечительское общество имени Николая, которое помогало слепым детям, а также основала «Госпиталь Ольги» – первую педиатрическую клинику в Штутгарте.

Во время франко-прусской войны (1870–1871 годы) королева Ольга возглавила организацию в помощь раненым, а позже создала организацию «Сестры Ольги». Она основала в столице королевства первую женскую гимназию. Король Карл I, отмечая заслуги своей супруги, в 1871 году учредил орден Ольги как награду за благотворительность и помощь раненым и больным.

Анна Тютчева вспоминает, как видела Ольгу во время приездов той в Россию. Ольга приезжала на Рождество и 2 января послала записку к великой княжне Марии Александровне и пригласила ее и ее фрейлин к себе. «Мы занялись гаданиями, – рассказывает Анна, – давали петуху клевать овес, топили воск».

Ольга, одна во всей семье, поддерживала брата Александра, когда тот после смерти своей первой жены решил жениться на Екатерине Михайловне Долгорукой. Анна Тютчева, всегда восхищавшаяся Марией Александровной, записывает в своем дневнике: «Только в

ноябре великая княгиня получила письмо от самого государя, в котором он объявлял ей о браке со своей прежней любовницей, опираясь, в виде оправдания, на полное одобрение сестры своей Ольги, королевы Вюртембергской, которая, оставаясь верной своему низкому и льстивому характеру, приняла сделанное ей сообщение об этом недостойном браке выражениями самой восторженной симпатии».

Ольга Николаевна скончалась в возрасте 70 лет в Вюртемберге, в королевском замке Фридрихсхафен.

Часть II

Великая княжна Мария Александровна и Анна Тютчева

или

Политика воспитания

У Александра II родились две дочери. Старшая, очень любимая Александра (она была первым ребенком в семье) умерла в семилетнем возрасте от кори. С тех пор в среде Романовых ни одной принцессе не давали это имя. Вторая, Мария, появилась на свет спустя почти десять лет (до этого в семье родились четыре мальчика). Можно представить себе, как любили и оберегали ее родители! Ее воспитательницей была назначена фрейлина императрицы Марии Александровны – Анна Тютчева, дочь великого поэта Федора Тютчева.

О Тютчевой при дворе говорили разное. Граф С. Д. Шереметев писал: «Она играла роль, изрекала, критиковала, направляла и всего больше надоела всем и каждому. Мало-помалу она теряла свое значение по мере усиления ее соперницы А. Н. Мальцовой. Двор ей стал невыносим, и она вышла замуж».

А княгиня Черкасская признавалась: «Чем более я вижу Тютчеву, тем более люблю, у нее возвышенная душа, и образ мыслей, как несправедливо к ней здесь общество».

Анна Федоровна родилась у первой жены Федора Ивановича, графини Элеоноры Федоровны Ботмер, дочери немецкого дипломата. Она появилась на свет за границей и провела свои детские годы в Мюнхене. Здесь она училась в Мюнхенском королевском институте и приехала в Россию уже восемнадцатилетней девушкой, вместе отцом и со своими младшими сестрами Дарьей и Екатериной, с которыми была очень дружна. Девочек отдали учиться в Институт благородных девиц, а Анна стала фрейлиной тогда еще цесаревны Марии Александровны, супруги великого князя Александра Николаевича.

Элеонора Карловна, о которой муж писал: «Никогда человек не стал бы столь любим другим человеком, сколь я любим ею, в течение одиннадцати лет не было ни одного дня в ее жизни, когда, дабы упрочить мое счастье, она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновенья, умереть за меня», скончалась очень рано – в возрасте всего 38 лет. Она была матерью семи детей (в первом браке у нее родилось четыре сына). Здоровье ее подорвал несчастный случай, который произошел на корабле, когда Элеонора с дочерьми плыла к мужу в Любек. На пароходе вспыхнул пожар, и Элеоноре удалось спасти троих малюток (им было девять, четыре и три года), но это стоило ей здоровья. Кроме того, состояние Тютчева было расстроено, семья постоянно нуждалась. Элеонора скончалась в том же 1838 году, через три месяца после рокового плавания.

Второй женой поэта стала красавица баронесса Эрнестина фон Пфедфель. Федор Иванович, однако, не скрывал, что женился на ней прежде всего из-за ее денег. У него был долгий и страстный роман с Еленой Денисьевой, учившейся в Смольном институте вместе с младшими сестрами Анны – Дарьей и Екатериной.

Мачеха и падчерица, Анна и Эрнестина, подружились. Девушка была, как сама она позже напишет о себе, «неимоверно наивна, и одно только что можно сказать в мое оправдание, что недостатки моей головы не отражались на моем сердце».

И эта наивная юная девушка всем сердцем полюбила столь же юную цесаревну, казавшуюся ей идеалом женщины.

Как и ее отец, Анна Федоровна симпатизировала славянофилам. Это была не столько политическая партия, сколько общественное и культурное течение, члены которого считали,

что российский общественный уклад должен не копировать западный, а опираться на те основы, на которых издавна строилась русская государственность. Прежде всего на христианскую крестьянскую общину. Но – общину не крепостных, а вольных крестьян. Поэтому Тютчева приветствовала крестьянскую реформу Александра II.

Анна Федоровна Тютчева (1829–1889) – дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина Высочайшего двора, жена И. С. Аксакова, мемуаристка; разделяла взгляды славянофилов

В день публикации Манифеста об освобождении крестьян Тютчева сделала в своем дневнике такую запись: «В два часа пришел государь взять малышку на прогулку... Государь так и сиял, он сказал мне: „Не правда ли, такое чувство, будто сегодня пасхальное воскресенье“. Меня поразило, что радость государя от свершившегося была чистой и, смею сказать, искреннею, без всякой примеси личного чувства, без гордыни и самодовольства. Государь сказал мне: „Запишите все, что сегодня произошло, чтобы, когда Мари вырастет, она знала, как прошел самый счастливый день в моей жизни“».

Славянофилы также поддерживали идею панславизма, «естественного» союза России со всеми православными, славянскими государствами. Именно об этом писал куда-то, еще при Николае I, Тютчев:

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он – и грянет час!
И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

И в дневнике Анны Тютчевой вы найдете развитие этих взглядов. Она писала: «Моя душа и мое сердце сроднились с Россией благодаря тем людям, которых наше глупое общество иронически прозвало славянофилами. Они первыми поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть влитой в любую форму европейской цивилизации. Россия есть живой организм, который в глубине существа таит свой нравственный закон, свой умственный и духовный уклад, и задача русского духа состоит в том, чтобы выявить эту идею». Как и ее отец, она мечтала о кресте над Святой Софией и о едином панславянском государстве.

Бесспорно одно: Анна Тютчева была интереснейшей личностью, но дружить с ней было не просто. Даже если ты – императрица.

Из воспоминаний Анны Тютчевой⁴⁵

Великой княгине, когда я впервые увидела ее, было двадцать восемь лет. Она вышла замуж шестнадцати лет, и у нее уже было пятеро детей: дочь Александра, умершая в семилетнем возрасте, и четыре сына: Николай, Александр, Владимир и Алексей; последнему в то время было три года. Цесаревна была принцессой Дармштадтской, младшим ребенком и единственной дочерью правящего герцога. Потеряв в девятилетнем возрасте мать, принадлежавшую к княжескому дому Бадена, она была воспитана m-lle де-Грансе, эльзаской по происхождению. Почти все детство она провела в небольшом загородном замке в окрестностях Дармштадта, живописно расположенном на Бергштрассе. Брат ее Александр воспитывался вместе с ней. Когда наследник русского престола путешествовал по Германии для выбора невесты, она не была даже включена в список имевшихся для него в виду принцесс, так как в то время ей было всего четырнадцать лет. Наследник совершенно случайно остановился в Дармштадте на один день и вечером поехал в театр. Он был так тронут скромной прелестью молодой принцессы, почти ребенка, скрывавшейся в глубине ложи, что, вернувшись домой, объявил своему наставнику Жуковскому, Кавелину и графу Орлову, сопровождавшим его, что он нашел жену, которая ему нужна, и что дальше он никуда не поедет. Орлов написал об этом императору Николаю, который не возражал против выбора сына. Год спустя молодая принцесса была привезена в Россию, где, будучи наставлена в вероучении нашей церкви, приняла православие и венчалась, когда наследнику исполнилось 21–22 года, а ей еще не было 17 лет.

Она мне рассказывала, что, скромная и в высшей степени сдержанная, она вначале испытывала только ужас перед той блестящей судьбой, которая столь неожиданно открывалась перед ней. Выросшая в уединении и даже в некотором небрежении в маленьком замке Югендгейм, где ей даже редко приходилось видеть отца, она была более испугана, чем ослеплена, когда внезапно была перенесена ко двору, самому пышному, самому блестящему и самому светскому из всех европейских дворов, и в семью, все члены которой старались напереерыв друг перед другом оказать самый горячий прием молодой иностранке, предназначенной занять среди них такое высокое положение. Она мне говорила, что много раз после долгих усилий преодолеть застенчивость и смущение она ночью в уединении своей спальни предавалась слезам и долго сдерживаемым рыданиям. Затем, чтобы устранить следы своих слез, она открывала форточку и выставляла свои покрасневшие глаза на холодный воздух зимней ночи. Вследствие такой неосторожности у нее на лице появилась сыпь, от которой чуть не навсегда пострадала изумительная белизна ее цвета лица. Эта болезнь, затянувшаяся довольно долго, заставила ее безвыходно просидеть в своей комнате в течение нескольких недель и дала ей возможность постепенно освоиться с членами своей новой семьи и особенно привязаться к своему царственному жениху, который не только не отдалился от молодой невесты вследствие болезни, одно время угрожавшей ей потерей красоты, но, наоборот, удвоил свои заботы и проявления нежной внимательности и этим привязал к себе ее сердце, еще слишком юное, чтобы испытывать более страстные чувства.

Я сказала, что, когда я впервые увидела великую княгиню, ей было уже 28 лет. Тем не менее она выглядела еще очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в сорок лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на пер-

⁴⁵ Мемуары Анны Тютчевой см. в книге: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016. Они также выходили отдельной книгой: Тютчева А. Воспоминания. М.: Захаров, 2000.

вый взгляд впечатление *belle femme*⁴⁶; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навывкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видала человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего чрезвычайно сложного «я».

Мне бы хотелось суметь изобразить эту натуру, как я ее понимаю, со всеми теми качествами и недостатками, которые составляли ее прелесть и в то же время делали ее слабость. Это прежде всего была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная, но эта душа, как и ее телесная оболочка, казалось, вышла из рамки средневековой картины. Религия различно отражается на душе человека: для одних она – борьба, активность, милосердие, отзывчивость, для других – безмолвие, созерцание, сосредоточенность, самоистязание. Первым – место на поприще жизни, вторым – в монастыре. Душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю. Ее хорошо можно было себе представить под монашеским покрывалом, коленопреклоненной под сенью высоких готических сводов, объятую безмолвием, изнуренную постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами, пышно торжественностью которых она бы с любовью руководила. Вот подходящая обстановка для этой души, чистой, сосредоточенной, неизменно устремленной ко всему божественному и священному, но не умевшей проявить себя с той горячей и живой отзывчивостью, которая сама и дает и получает радость от соприкосновения с людьми.

В своем окружении матери, жены, государыни она казалась как бы чужой и не освоившейся. Она была нежно привязана к мужу и к детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагали на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосредственности в этих отношениях; она искала и находила власяницу там, где характер более открытый нашел бы удовлетворение интимных стремлений и применение природных способностей. Какая тайна вообще в судьбе человеческой – тайна неиспользованных способностей! Сколько людей призвано с трудом выполнять дело, к которому они совершенно неспособны, тогда как рядом с ними другие с таким же трудом выполняют дело, которое вызвало бы проявление всех лучших способностей первых! Итак, цесаревна, вскоре после того сделавшаяся императрицей, не была призвана по своей натуре, совершенно лишенной темперамента, к тому положению, которое ей предназначила судьба. Все в ней было одно методическое усилие, все для нее было предлогом для самоистязания, и такое постоянное нравственное напряжение привело ее в конце концов к тому, что в этой робкой пассивной натуре иссяк последний источник энергии. Ее много судили и много осуждали, часто не без основания, за отсутствие инициативы, интереса и активности во всех областях, куда она могла бы внести жизнь и движение; и те, кто ее близко знал и любил, не могут ее защищать, но они знают, что ее неспособность к выполнению тяжелой задачи, к которой призвала ее судьба, зависела скорей от ее природы, чем от воли. И, несмотря на все это, во всем ее существе была

⁴⁶ Красавицы (*фр.*).

какая-то интимная прелесть, тем более обаятельная, что она не обладала даром широко рас- точаться, – прелесть, благодаря которой к ней можно было глубоко и серьезно привязаться. Жизнь, обстоятельства и различие характеров нас давно разъединили, и все-таки я понимаю, почему я ее так сильно любила. Ум цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, про- ницательный, очень иронический, но лишенный горячности, широты и инициативы. Мно- гие обвиняли ее в слабости характера, а между тем она не была лишена силы воли, но весь запас этой воли был направлен внутрь, против нее самой, против всякого непосредствен- ного импульса. Она так научилась остерегаться первого своего движения, что создала себе в конце концов как бы вторую, совершенно условную натуру. Она была осторожна до крайно- сти, и эта осторожность делала ее слабой в жизни, которая так сложна, что всегда выходит за пределы наших расчетов и требует порыва, решительности, непосредственности, инстинкта от тех, кто хочет ею овладеть и над нею властвовать. Из этой осторожности вытекала боль- шая нерешительность, которая делала в конце концов отношения с ней утомительными и тягостными.

Понятно, что характер ее выяснился для меня таким, как я его здесь описываю, далеко не сразу, а лишь через много лет. Очень долго я находилась исключительно под впечатлением того, что было чарующего и интимного в этой натуре, самая сдержанность которой меня привлекала своей таинственностью. Ее кротость, доброжелательность и ровность настрое- ния, ее слегка насмешливый ум таили в себе тысячу чар. В эпоху, когда я ее узнала, жестокие жизненные испытания еще не коснулись ее. Она жила исключительно своей семейной жиз- нью; счастливая жена, счастливая мать, боготворимая своим свекром, императором Нико- лаем, создавшим своего рода культ своей невестки, она была окружена как золотым орео- лом великим престижем императорской власти, который был так высоко поднят личностью императора Николая, но должен был скоро поблекнуть среди катастрофы конца его царство- вания. Она знала тогда только радости и величие своего положения, но не вкусила еще ни горечи его, ни тяготы.

* * *

Родилась маленькая великая княжна. Княгиня Салтыкова⁴⁷ зашла ко мне около трех часов очень взволнованная и объявила, что у цесаревны родилась дочь. Эта маленькая девочка – большая радость в императорской семье, ее очень ждали и желали, так как после великой княжны Лины, которая не дожила до семи лет, у цесаревны были только сыновья. Этой новой пришельце предназначили имя Веры, но старая кн. Горчакова написала импе- ратрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией. Итак, назовут ее Марией...

* * *

Сегодня состоялось крещение великой княжны Марии Александровны. Все было обставлено с величайшей помпой и торжественностью. На императрице был трен⁴⁸, осыпан- ный бриллиантами и драгоценными камнями. Августейшего младенца, покрытого импе- раторской мантией из сукна, отороченного горностаем, держала на руках княгиня Салты- кова. Восприемниками были император Николай и великая княгиня Мария Николаевна⁴⁹.

⁴⁷ Екатерина Васильевна Салтыкова – статс-дама, гофмейстерина двора цесаревны Марии Александровны.

⁴⁸ Трен – задний конец женского платья, тянущийся в форме длинного шлейфа.

⁴⁹ Старшая дочь Николая I.

Служба была чудная. Великолепный хор пел *sotto voce*⁵⁰ для того, чтобы сильные голоса не испугали ребенка. Пение тихое и заглушенное, как отдаленная мелодия, наполняло душу умилением грустным и торжественным. В этих наполовину светских, наполовину религиозных придворных торжествах есть какая-то странная смесь божественного и мирского. Совершаются самые священные церковные таинства, и нужно сказать, что члены царской семьи всегда присутствуют на них с видом глубочайшего благоговения, многие из них молятся с искренним благочестием, и все строго соблюдают приличие, внушаемое святостью места. Нельзя того же сказать о придворных: из них каждый, по-видимому, чувствует себя скорее в театре, нежели в церкви, и многие прекрасные люди, которые наедине усердно молятся богу, в дворцовой церкви считают себя совершенно свободными от всяких обязательств по отношению к нему. Для всех них церковь является как бы местом светских собраний; считается совершенно ненужным ни молиться, ни даже держать себя прилично. Болтают, шепчутся, смеются. Иногда, когда разговор становится слишком громким, император Николай поворачивает голову и обводит взором Юпитера-громовержца эту стрекочущую толпу. Мгновенно наступает тишина, но ненадолго, и очень скоро разговоры возобновляются. Церемония продолжалась очень долго, так как обедне предшествовал еще молебен, сопровождаемый залпами из пушек. Когда я пошла поздравить цесаревну, она показала мне великолепные украшения из драгоценных камней, которые ей подарили государь, государыня и наследник цесаревич: диадему из рубиновых звезд с расходящимися бриллиантовыми лучами и такую же парюру⁵¹ на корсаж. Цесаревна подарила мне красивую брошку из жемчугов с бриллиантами.

⁵⁰ Вполголоса (*um.*).

⁵¹ Парюра (*фр.* *parure* – убор, украшение) – набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней, по материалу или по единству художественного решения.

Портрет императрицы Марии Александровны, жены Александра II.
Художник – Иван Макаров. 1866 г.

Мария Александровна (1824–1880) – принцесса Гессенского дома, российская императрица, супруга императора Александра II и мать императора Александра III.

*«Мари завоевала сердца всех тех русских, которые могли
познакомиться с ней...»
(Ольга Николаевна Романова «Сон юности»)*

* * *

Мне сегодня минуло 25 лет. Я была у обедни в дворцовой церкви, где происходила заупокойная служба по дочери императора Николая, Александре⁵², умершей после года брака с герцогом Гессен-Дармштатдским, и по дочери цесаревича, также носившей имя Александры и умершей в возрасте семи лет от последствий кори. Это был первый ребенок от брака цесаревича и цесаревны, и цесаревич исключительно любил ее, она также страстно была к нему привязана, так что, будучи еще совсем маленькой, горько плакала, когда отец ее был в отсутствии. Цесаревна говорила мне, что никогда великий князь так не играл с другими детьми, как с этим ребенком. Он был ей товарищем и постоянно носил ее на руках. Привязался он к ней еще сильнее потому, что ее рождение было некоторым разочарованием для остальных членов семьи, особенно для императора Николая, рассчитывавшего сразу иметь наследника престола и потому оставшегося недовольным рождением девочки. Доброе и нежное отцовское сердце чувствовало потребность вознаградить усиленной лаской за холодность, проявлявшуюся вначале к новорожденной, за которой, впрочем, через год явился наследник.

* * *

Сегодня молебен в память злосчастливого события 1825 года, о котором хорошо было бы позабыть⁵³.

Императрица так быстро поправляется после возвращения сыновей⁵⁴, что начинают говорить о переезде в город. Сегодня вечером я была у маленькой великой княжны. Она резвилась со своими братьями и с левреткой и была очень мила. Император пришел кормить ее супом, как он это делает почти каждый вечер.

Вот сюжет для исторической картины: румяный улыбающийся ребенок в ленах и кружевах на высоком стульчике и рядом самодержец, с суровым строгим профилем вливающий золотой ложкой суп в этот розовый улыбающийся ротик. Император сказал мне: «Я почти каждый вечер прихожу кормить супом этого херувимчика – это единственная хорошая минута во весь день, единственное время, когда я забываю подавлявшие меня заботы».

⁵² См. первую часть.

⁵³ Подавление восстания декабристов. М. А. Корф, директор Императорской публичной библиотеки и главноуправляющий Вторым отделением, писал по этому поводу: «Со времени происшествий 14 декабря 1825 года император Николай неизменно праздновал их годовщину, считая всегда это число днем истинного своего восшествия на престол. Все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в подвигах достопамятного дня, были собираемы ко двору, где, в малой церкви Зимнего дворца или в церкви Аничкова, совершалось благодарственное молебствие, при котором, после обыкновенного многолетия, были возглашаемы сперва вечная память „рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всем, в день сей за веру, царя и отечество убиенным“, а в заключение – многолетие «храброму всероссийскому воинству». Затем все присутствовавшие допускались к руке императрицы и целовались с государем, как в Светлый праздник. Много лет сряду государь приезжал еще в этот день в Конногвардейский и в Преображенский полки, которые, как известно, прибыли первыми на площадь к охранению правого дела, и эти царственные посещения он прекратил тогда лишь, когда в составе упомянутых полков не осталось уже никого из ветеранов 14 декабря. В прежнее время в это число бывал всегда и маленький бал в Аничковом дворце».

⁵⁴ Во время Крымской войны великий князь Николай и Михаил Николаевичи находились в Севастополе. Из-за ухудшения здоровья императрицы Александры Федоровны они вернулись в Гатчину, где тогда находился двор.

* * *

17 февраля я, по своему обыкновению, к девяти часам утра спустилась к цесаревне, чтобы присутствовать на сеансе пассивной гимнастики, которой она ежедневно занималась с Derond. Я ее застала очень озабоченной – император неделю как болен гриппом, не представлявшим вначале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, он вопреки совету доктора Мандта настоял на том, чтобы поехать в манеж произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: «Ваше величество, мой долг предупредить вас, что вы очень сильно рискуете, подвергая себя холоду в том состоянии, в каком находятся ваши легкие». «Дорогой Мандт, – возразил государь, – вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прощусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защищать нас».

Он отправился в манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Каррель сильно встревожен, Мандт же, наоборот, не допускает непосредственной опасности. «Тем не менее, – добавил великий князь, – нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении...»

В ту минуту, когда я пишу эти строки, с тех пор прошло только два дня, но мне кажется, что за эти два дня рухнул мир – столько важных и страшных событий произошло за этот короткий срок. 17-го, вернувшись с обеда у моих родителей, я пошла переодеться к вечеру у цесаревны; но пробило десять часов, никто меня не позвал, и я спустилась в дежурную комнату, чтобы узнать в чем дело. Камеристка сказала мне, что состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось, что цесаревна, вернувшись от него, удалилась в свой кабинет и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора.

Я отправилась к Александре Долгорукой⁵⁵, М-elles Фредерикс⁵⁶ и Гудович⁵⁷, только что вернувшиеся от императрицы, сказали нам, что они издали слышали, как Мандт говорил о поднимающейся подагре, о воспалении в легком. Эти дамы были чрезвычайно встревожены и умоляли нас пойти к цесаревне, чтобы получить точные сведения. Никто ничего не знал, а может быть, никто не смел высказывать вслух своих мыслей или своих опасений по поводу происходящего. Видны были только смущенные и объятые ужасом лица. Александра и я вторично спустились в дежурную комнату, где нам сказали, что цесаревну только что вызвали к императору. Мы решили дожидаться ее возвращения в спальне и в томительном ожидании провели целый час; эта большая комната, еле освещенная свечою, стоявшей на камине, и лампадкой, теплившейся перед образами, имела мрачный вид. Нам пришлось сказать, что цесаревна вернулась с великой княгиней Александрой Иосифовной⁵⁸, которая должна была провести ночь во дворце, чтобы быть поблизости на случай каких-либо событий. Вошел цесаревич со смертельно бледным и изменившимся лицом. Он пожал нам руку, сказал: «Дела плохи» – и быстро удалился. Убедившись, что ничего больше мы не узнаем,

⁵⁵ Долгорукая Александра Сергеевна – княжна, фрейлина Марии Александровны.

⁵⁶ Фредерикс Мария Петровна – фрейлина императрицы Александры Федоровны, ее записки см. в книге: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016.

⁵⁷ Гудович Евдокия Васильевна – фрейлина императрицы Александры Федоровны.

⁵⁸ Жена великого князя Константина Николаевича.

мы поднялись наверх. Мария Фредерикс получила более подробные сведения в дежурной комнате императрицы. Подагра поднималась, паралич легких был неминуем. Императрица робко предложила императору причаститься. Он ответил, что причастится, когда ему будет лучше и он в состоянии будет принять святые тайны стоя. Императрица не решилась настаивать, чтобы не встревожить его. Она стала читать возле него «Отче наш», и, когда она произнесла слова: «Да будет воля твоя», он горячо сказал: «Всегда, всегда».

Ночь уже была поздняя, но тревога не давала нам спать. С несколькими фрейлинами я пошла в дворцовую церковь, слабо освещенную немногими свечами, горевшими перед иконостасом. Но душа моя была объята ужасом, и сердце не могло молиться, хотя уста и произносили привычные слова...

Вернувшись к себе, я нашла записку от графини Антонины Блудовой⁵⁹, писавшей цесаревне от имени своего отца о необходимости немедленно распорядиться служить во всех церквях молебны, чтобы народ был оповещен об опасности, угрожающей жизни императора.

Я понесла эту записку цесаревне. Мне сказали, что она только что легла. Тогда я попросила передать записку цесаревичу, который находился при императоре. Поднявшись к себе, я, не раздеваясь, прилегла на кровать и слегка задремала, но сильный шум шагов по коридору вскоре разбудил меня. Вся дрожа, я вышла из комнаты и встретила Екатерину Тизенгаузен⁶⁰, которая куда-то бежала с другой фрейлиной императрицы. Они мне сказали, что к императору только что позвали Баженова (духовника императорской фамилии). С ними вместе я спустилась вниз.

Было часа два или три ночи, но во дворце никто уже не спал. В коридорах, на лестницах – всюду встречались лица испуганные, встревоженные, расстроенные, люди куда-то бежали, куда-то бросались, не зная в сущности куда и зачем. Шепотом передавали друг другу страшную весть, старались заглушить шум своих шагов, и эта безмолвная тревога в мрачной полутьме дворца, слабо освещенного немногими стенными лампами, еще усиливала впечатление испытываемого ужаса.

Умиравший император лежал в своем маленьком кабинете в нижнем этаже дворца. Большой вестибюль со сводами рядом с его комнатами был полон придворными: статс-дамы и фрейлины, высокие чины двора, министры, генералы, адъютанты ходили взад и вперед или стояли группами, безмолвные и убитые, словно тени, движущиеся в полумраке этого обширного помещения. Среди томительной тишины слышно было только завывание ветра, который порывами врывается в огромный дворцовый двор. Казалось, что сама природа присоединяется к чувствам ужаса и страха, вызываемым в наших душах страшной и великой тайной смерти, совершающейся над тем человеком, сильным и мощным, который в течение более четверти века был в глазах нашей великой страны олицетворением могущества и жизни. Неужели исчезнет эта величавая фигура, которая как в отвлеченном, так и в реальном смысле была самым полным, самым ярким воплощением самодержавной власти со всем ее обаянием и всеми ее недостатками. И дыхание смерти пронесется над ней столь же равнодушно, как над былинкой в поле, превратит ее в прах и смешает с землей! За всю мою жизнь мне не приходилось видеть смерти, и она впервые предстала предо мной внезапная, неожиданная, во всем своем неумолимом противоречии с полнотой жизни; это приводило меня в такой ужас, воспоминание о котором никогда не изгладится из моей души. Ежеминутно из комнаты умирающего нам сообщали новые подробности. Несколько лиц из самых близких к императрице, чаще всего Мария Фредерикс, ходили взад и вперед из вестибюля в дежурную

⁵⁹ Блудова Антонина Дмитриевна – камер-фрейлина, дочь А. Н. Блудова, действительного тайного советника, в то время главноуправляющего Второго отделения.

⁶⁰ Екатерина Федоровна Тизенгаузен, камер-фрейлина.

комнату, где находились врачи и дежурные и через которую беспрестанно проходили члены императорской семьи. От них мы были осведомлены с часа на час о том, что происходило.

Император после исповеди громким и твердым голосом произнес молитву перед причастием: «Верую, господи, и исповедую» и т. д. и причастился с величайшим благоговением. По его желанию вся императорская семья собралась вокруг его кровати. Великие княгини всю ночь провели, не раздеваясь, в Зимнем дворце; они отдыхали в ту минуту, когда их позвали. Камеристка цесаревны говорила мне, что никогда еще она не видела ее такой взволнованной и потрясенной. Император благословил всех своих детей и внуков и говорил отдельно с каждым из них, несмотря на свою слабость. Благословляя цесаревну, он продолжительным взглядом, казалось, особенно поручил ей императрицу, как будто более всего он полагался на ее любовь и на ее заботу. Благословив всех, он сказал, обращаясь ко всем вместе: «Напоминаю вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны».

Вся семья теснилась у его изголовья, но он сказал: «Теперь мне нужно остаться одному, чтобы подготовиться к последней минуте. Я вас позову, когда наступит время».

Семья удалилась в соседнюю комнату. При умирающем императоре остались только императрица, цесаревич и Мандт. Император настоятельно просил императрицу отдохнуть, хотя бы ненадолго. Она сказала ему:

– Оставь меня подле себя; я бы хотела уйти с тобою вместе. Как радостно было бы вместе умереть!

– Не грехи, – ответил император, – ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром. Пойди, соберись с силами, я тебя позову, когда придет время.

Императрица прилегла на кушетке в соседней комнате. Часов в пять приехала великая княгиня Елена Павловна⁶¹, которую вызвали из Михайловского дворца. Умирающий привычным движением провел рукой по ее лицу и сказал шутливым тоном, который с ней часто принимал: «Bonjour, madame Michel».

Страдания усиливались, но ясность и сознание духа ни на минуту не покидали умирающего. Он позвал к своему изголовью князя Орлова⁶², графа Адлерберга⁶³ и князя Василия Долгорукова⁶⁴, чтобы проститься с ними, велел позвать несколько гренадеров и поручил им передать его прощальный привет их товарищам. Цесаревичу он поручил проститься за него с гвардией, со всей армией, и особенно с геройскими защитниками Севастополя. «Скажи им, что я и там буду продолжать молиться за них, что я всегда старался работать на благо им. В тех случаях, где это мне не удалось, это случилось не от недостатка доброй воли, а от недостатка знания и умения. Я прошу их простить меня». В пять часов он сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает, и прощался со своей старой столицей. В стране не знали даже, что он болен. Он велел еще телеграфировать в Варшаву и послать депешу к прусскому королю, в которой он просил его всегда помнить завещание своего отца и никогда не изменять союзу с Россией. Несколько часов спустя после смерти императора Николая император Александр II получил от прусского короля депешу в следующих словах: «Я никогда не забуду завета твоего покойного отца». Эти подробности я имею от цесаревны. Император приказал собрать в залах дворца все гвардейские полки с тем, чтобы присяга могла быть принесена немедленно после его последнего вздоха. Он велел также позвать madame Рорбек⁶⁵, любимую камер-фрау императрицы, которая удивительно хорошо ухаживала за ней во время ее последней болезни в Гатчине. Император с горячностью благода-

⁶¹ Вдова великого князя Михаила Павловича.

⁶² Орлов Алексей Федорович – шеф жандармов и главный начальник III отделения.

⁶³ Адлерберг Владимир Федорович – министр двора. Брат статс-дамы Ю. Ф. Барановой.

⁶⁴ Долгорукий Василий Андреевич – военный министр.

⁶⁵ Вильгельмина фон Рорбек, камер-фрау Александры Федоровны.

рил ее за ее преданность императрице, просил ее продолжать заботиться о ней и прибавил: «Передайте еще мой привет моему милому Петергофу».

Александр II Николаевич (1818–1881) – Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 года императорской четы Николая Павловича и Александры Федоровны.

«Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его быть грозой света».

(Александр II)

Длинная ночь уже приходила к концу, когда приехал курьер из Севастополя – Меншиков-сын⁶⁶. Об этом еще доложили императору, который сказал: «Эти вещи меня уже не касаются. Пусть он передаст депеши моему сыну». В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова⁶⁷. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившихся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и белых, как мрамор. Проходя, она задела меня, схватила за руку и судорожно потрясла. «*Une belle nuit m-lle Tutcheff, une belle nuit*»⁶⁸, – сказала она хриплым голосом. Видно было, что она не сознает своих слов, что безумие отчаяния овладело ее бедной головой. Только теперь, при виде ее, я поняла смысл неопределенных слухов, ходивших во дворце по поводу отношений, существовавших между императором и этой красивой женщиной, – отношений, которые особенно для нас, молодых девушек, были прикрыты с внешней стороны самыми строгими приличиями и полной тайной. В глазах человеческой, если не божеской, морали эти отношения находили себе некоторое оправдание, с одной стороны, в состоянии здоровья императрицы, с другой – в глубоком, бескорыстном и искреннем чувстве Нелидовой к императору. Никогда она не пользовалась своим положением ради честолюбия или тщеславия, и скромностью своего поведения она умела заглушать милость, из которой другая создала бы себе печальную славу. Императрица с той ангельской добротой, которая является отличительной чертой ее характера, вспомнила в эту минуту про бедное женское сердце, страдавшее если не так законно, то не менее жестоко, чем она, и с той изумительной чуткостью, которой она отличается, сказала императору: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова». Император понял и сказал: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня». Само собой разумеется, я все эти подробности узнала позднее, но из уст, гарантирующих их достоверность.

Ночь кончалась. Бледный свет петербургского зимнего утра понемногу проникал в вестибюль, в котором мы находились. Приток народа и волнение все возрастали около комнаты, где император в тяжелых страданиях, но в полной ясности ума боролся с надвигавшейся на него смертью. Наступил паралич легких, и, по мере того как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?». Затем он прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать». В восемь часов пришел Баженов и стал читать отходную. Император со вниманием слушал и все время крестился. Когда Баженов благословил его, осенив крестом, он сказал: «Мне кажется, я никогда не делал зла сознательно». Он сделал знак Баженову тем же крестом благословить императрицу и цесаревича. До самого последнего вздоха он был озабочен тем, чтобы выказать им свою нежность. После причастия он сказал: «Господи, прими меня с миром» и, указывая на императрицу, сказал Баженову: «Поручаю ее вам», и ей самой: «Ты всегда была моим ангелом-хранителем с того мгновения, когда я увидел тебя в первый раз и до этой последней минуты». Во время агонии он держал еще в своих руках руки супруги и сына и, уже не будучи в состоянии говорить, прощался с ними взглядом. Императрица держалась с изумительным спокойствием и стойкостью до той минуты, когда собственными руками закрыла ему глаза. В десять часов нам сказали, что император потерял способность речи. До тех пор он говорил голосом твердым и громким и с полной ясностью ума.

⁶⁶ Меншиков Владимир Александрович, свиты его величества генерал-майор, сын Александра Сергеевича, главнокомандующего во время Крымской войны.

⁶⁷ Варвара Аркадьевна Нелидова, фрейлина, любовница Николая I.

⁶⁸ «Прекрасная ночь, мадемуазель Тютчева, прекрасная ночь» (*фр.*).

Я была в комнате графини Барановой, окна которой выходят на улицу. Утренний туман рассеялся. Под ослепительным солнцем сверкал снег и иней на деревьях Адмиралтейского бульвара. Проехали несколько мужиков, равнодушно лежа в своих розвальнях. Жизнь текла обычным порядком, беззаботно и бессознательно в двух шагах от комнаты, где умирал император! Контраст так поразил меня, что я поспешила уйти в церковь, где шла прежде освященная обедня, так как была пятница. В последний раз я слышала, как провозгласили имя императора среди живых. Еще молились о его здравии.

Что касается меня, я не знаю, было ли молитвой то, что во мне происходило. Всякое человеческое чувство было как бы уничтожено во мне перед лицом великой тайны смерти, совершавшейся на моих глазах в обстановке такой величавой и потрясающей. Мне бы казалось кощунством даже в глубине своей души молиться о выздоровлении императора или о продлении его дней. Рядом с этим смертным одром Бог, вечность представлялись мне единственной подлинной действительностью, смерть – переходом к этой великой реальности, а земная жизнь – сновидением или призраком, не достойным ни наших молитв, ни сожалений.

Император скончался, по-видимому, в ту минуту, когда завершалась обедня. Выйдя из церкви, я вернулась в вестибюль, где уже толпился народ. Генерал-адъютант Огарев вышел из комнат императора и сказал: «Все кончено». Наступила жуткая тишина, прерываемая глухими рыданиями. Двери из императорских покоев распахнулись, и нам сказали, что мы можем подойти к покойному и проститься с ним. Толпа бросилась в комнату умершего императора. Это был антресоль нижнего этажа, довольно низкий, очень просто обставленный, который император предпочитал занимать в последние годы своей жизни во избежание высоких лестниц, так как его парадные покои были на самом верху, над покоями императрицы. Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати. Руки были скрещены на груди, лицо обвязано белой повязкой. В эту минуту, когда смерть возвратила мягкость прекрасным чертам его лица, которые за последнее время так сильно изменились благодаря страданиям, подтачивавшим императора и преждевременно сокрушившим его, – в эту минуту его лицо было красоты поистине сверхъестественной. Черты казались высеченными из белого мрамора, тем не менее сохранился еще остаток жизни в очертаниях рта, глаз и лба, в том неземном выражении покоя и завершенности, которое, казалось, говорило: «я знаю, я вижу, я обладаю», в том выражении, которое бывает только у покойников и которое дает нам понять, что они уже далеки от нас и что им открылась полнота истины. Я видела смерть вблизи первый раз, но она не утратила меня; наоборот, я почувствовала к ней тяготение. Я поцеловала руки императора, еще теплые и влажные, и не ушла, а встала около стены у изголовья и оставалась тут, пока проходила толпа, прощаясь с покойником. Я долго, долго смотрела на него, не сводя глаз, словно прикованная тайной, которую излучало это красивое и спокойное лицо, и с грустью оторвалась от этого созерцания.

Я добавлю здесь еще некоторые подробности о последних минутах императора, которые передала мне великая княгиня. Незадолго перед концом императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «Держи все – держи все». Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначающим, что держать нужно крепко.

Вся императорская семья стояла на коленях вокруг кровати. Император сделал цесаревичу знак поднять цесаревну, зная, что ей вредно стоять на коленях. Таким образом, даже в эти последние минуты его сердце было полно той нежной заботливости, которую он всегда проявлял по отношению к своим. Предсмертное хрипение становилось все сильнее, дыха-

ние с минуту на минуту делалось все труднее и прерывистее. Наконец по лицу пробежала судорога, голова откинулась назад. Думали, что это конец, и крик отчаяния вырвался у присутствующих. Но император открыл глаза, поднял их к небу, улыбнулся, и все было кончено! При виде этой смерти, стойкой, благоговейной, можно было думать, что император давно предвидел ее и к ней готовился. Отнюдь нет. До часа ночи того дня, когда он скончался, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие, смотрел на свою болезнь как на преходящее нездоровье. Вот еще некоторые подробности (имею их от графини Блудовой, которая сама слышала их от Мандта).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.